

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

ПУТЬ КЕНГУРЕНКА
ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА

Иллюстрации Барри Драйсколла и Эдварда Мортельманса

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Джеральд Даррелл

**Путь кенгуренка.
Поймите мне колобуса**

«Азбука-Аттикус»

1966, 1972

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Путь кенгуренка. Поймите мне колобуса / Д. Даррелл —
«Азбука-Аттикус», 1966, 1972 — (Мир приключений (Азбука-
Аттикус))

ISBN 978-5-389-23231-0

Джеральд Даррелл (1925–1995) – знаменитый английский зоолог и путешественник, одна из культовых фигур XX века. Книги Даррелла уже давно составляют золотой фонд мировой литературы и пользуются большой популярностью у читателей по всему миру. «Путь кенгуренка» – это история шестимесячной экспедиции Даррелла в Новую Зеландию, Австралию и Малайю. Несмотря на то что путешественники провели в каждой из стран не так уж и много времени, им удалось познакомиться с невероятным разнообразием животного и растительного мира островных государств. О том, какие трудности и открытия ждали прославленного натуралиста и его спутников в экспедиции, он рассказывает с неподражаемым юмором и исследовательской точностью. Повесть «Поймите мне колобуса» представляет собой зарисовки из жизни сотрудников созданного Дарреллом Джерсийского зоопарка – жизни настолько удивительной (одна экспедиция в Африку за леопардами и обезьянами чего стоит!), что многим из нас она покажется невероятно захватывающим приключением. Издание содержит иллюстрации известных британских художников Барри Драйсколла и Эдварда Мортельманса.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23231-0

© Даррелл Д., 1966, 1972
© Азбука-Аттикус, 1966, 1972

Содержание

Путь кенгуренка	7
Предисловие	7
Часть первая	9
Прибытие	9
I	13
II	25
III	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джеральд Даррелл

Путь кенгуренка; Поймайте мне колобуса

Gerald Durrell

TWO IN THE BUSH

Copyright © 1966 by Gerald Durrell

CATCH ME A COLOBUS

Copyright © 1972 by Gerald Durrell

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© Л. Л. Жданов (наследники), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Путь кенгуренка

*Крису и Джиму в память
о пиявках, лирохвостах
и велосипеде в дымоходе
(не говоря уже о светлячках)*

Предисловие

Перед вами повесть о шестимесячном путешествии, во время которого мы побывали в Новой Зеландии, Австралии и Малайе. Путешествие это состоялось по двум причинам: во-первых, мне хотелось посмотреть, как в этих странах поставлена охрана животных, во-вторых, Би-би-си предполагала снять многосерийный телевизионный фильм на ту же тему. Я отлично понимаю, что наша экспедиция больше всего напоминала туристскую поездку, уж очень быстро

мы проскочили через каждую страну. Наверно, я кое в чем исказил истину и, конечно, опустил многое, о чем следовало бы упомянуть.

Как ни странно, очень трудно написать такую книгу и соблюсти при этом золотую середину между истиной и опусами вроде «Два с половиной дня в Джакарте». Истина, какой она вам представилась, может показаться обидной всем тем, кто так радушно вас принимал и, не жалея сил, помогал вам. К сожалению, людям свойственно принимать все на свой счет.

Поэтому разрешите сразу воспользоваться случаем, чтобы отвести хотя бы часть ударов, которые непременно обрушат на меня разгневанные новозеландцы, австралийцы и малайцы. Заранее знаю, что они мне напишут: человек, который провел в стране всего полтора месяца, не вправе критиковать. Я-то считаю, что достаточно провести где-нибудь пять минут, и вы вполне можете критиковать, а уж читатель пусть сам рассудит, насколько обоснованна критика. Так или иначе, одно я могу сказать совершенно искренне: путешествие было чудесным и доставило мне подлинное удовольствие от начала до конца.

Часть первая

Страна длинного белого облака

«Охота Ворчуна»
Льюис Кэрролл

Прибытие

*С ним было ящичков сорок два, все аккуратно уложено, на каждом
– имя владельца написано очень четко.*

Мы собирались незаметно проникнуть в Новую Зеландию, посмотреть и заснять все, что задумали, и так же незаметно удалиться. Но когда наш корабль прибыл в Окленд, оказалось, что Управление природных ресурсов, предупрежденное о нашем приезде, фигурально выражаясь, расстелило для нас огромную ковровую дорожку. Прежде всего на борт поднялся невысокий, коренастый человек (чем-то похожий на кэрролловского Твиддама) с круглыми, невинными, младенчески-голубыми глазами и широкой улыбкой на лице.

– Меня зовут Брайен Белл, – сообщил он и стиснул мою руку железной хваткой. – Я из Управления природных ресурсов. Управление поручило мне сопровождать вас в поездке по Новой Зеландии и проследить за тем, чтобы вы увидели все, что хотите увидеть.

– Это чрезвычайно любезно со стороны управления, – ответил я. – Но мне, право же, неловко...

– Я привел сюда ваш «лендровер» из Веллингтона, – решительно перебил меня Брайен. – А вчера я встретил двух ваших коллег из Би-би-си, они едут нам навстречу.

– Это очень любезно... – начал я.

– Кроме того, – невозмутимо продолжал Брайен, гипнотизируя меня своими голубыми глазами, – я составил для вас программу. Если вас что-нибудь не устраивает – вычеркните.

С этими словами он вручил мне стопку бумаги с машинописным текстом, нечто среднее между программой официального королевского визита и планом армейских маневров какой-нибудь великой державы. Программа изобиловала увлекательными предложениями и конкретными указаниями, например: «5 июня, 17:00, осмотр королевских альбатросов, мыс Таиароа». Интересно, спрашивал я себя с легким изумлением, альбатросам тоже вручено расписание? В таком случае, быть может, они пролетят мимо нас стройными рядами и сделают что-нибудь этакое крыльями в знак приветствия?

Но как ни заманчиво все это выглядело, я был несколько встревожен, мне вовсе не хотелось, чтобы мое путешествие по Новой Зеландии выродилось в тоскливое мероприятие, имя которому – организованный тур по заранее утвержденной программе. Не успел я, однако, высказать свои опасения, как Брайен взглянул на часы, грозно нахмурился, буркнул что-то себе под нос и рысцой покинул палубу. Прижимая к себе увесистую программу, я в слегка ошалелом состоянии прислонился к поручням; в это время появилась Джеки.

– Что это за тип в коричневом костюме, с которым ты беседовал? – спросила она.

– Это некий Брайен Белл из Управления природных ресурсов, – ответил я, передавая ей программу. – Его специально приставили к нам, чтобы он все организовал. Все, понимаешь?

– По-моему, это как раз то, чего ты мечтал избежать, – сказала Джеки.

– Вот именно, – угрюмо подтвердил я.

Она пролистала план и удивленно вскинула брови:

– Они что же, думают – мы приехали сюда на десять лет?

В эту минуту вернулся Брайен, и я представил его Джеки.

– Очень приятно, – рассеянно произнес он. – Так вот, ваш багаж на берегу, с таможенной я все уладил. Мы погрузим вещи на машину и доставим их прямо в гостиницу. Первая пресс-конференция назначена на одиннадцать часов, вторая – на четырнадцать тридцать. Вечером предстоит интервью по телевидению, но об этом пока рано думать. Если вы готовы, можно приступать.

Подгоняемые Брайеном, мы в полном смятении сбежали по трапу и на несколько часов попали в такой водоворот, что мне трудно припомнить что-либо подобное. В гостинице Брайен сдал нас с рук на руки представителю Отдела информации Терри Игену, человеку невысокого роста, с мясистыми щеками, веселым взглядом и приятным нравом.

– Оставляю вас на Терри, – сказал Брайен. – Увидимся после, а пока мне надо еще кое-что организовать.

Интересно, что именно? Может быть, почетный караул из десяти тысяч киви на улицах Окленда? И хотя мы только что познакомились, я не сомневался, что Брайен Белл способен и на это.

Едва он исчез за дверью, как ворвалась первая ватага журналистов. Началось нечто несусветное: нас фотографировали со всех мыслимых точек, а наши ответы, даже самые идиотские, слушали с таким благоговением, словно то были изречения великих мудрецов. Затем последовал долгожданный, но, увы, слишком короткий перерыв на ланч, после чего все началось сначала. И когда, уже под вечер, убрался последний репортер, я обратился к Терри с видом утопающего, который хватается за соломинку.

– Терри, – умоляюще прохрипел я, – вы не знаете какого-нибудь тихого, уютного уголка, где можно посидеть, выпить и хотя бы минут десять ничего не говорить?.. Какую-нибудь блаженную нирвану...

– Знаю, – не раздумывая ответил Терри, – будет сделано... Есть отличное местечко.

– Вот и хорошо, а я тем временем приму ванну, – сказала Джеки.

– Мы недолго, – заверил я ее. – Мне только привести в порядок свои истерзанные нервы. Если еще кто-нибудь спросит меня, что я думаю о Новой Зеландии, я начну кричать.

– Кстати, – вспомнила Джеки, – что ты ответил журналистке, которая задала тебе этот вопрос? Я не расслышала.

– Он сказал, что уголок порта, который он успел увидеть, показался ему просто прелестным, – хихикнул Терри.

– Ну зачем же так, – укоризненно сказала Джеки.

– Пусть не задает дурацких вопросов.

– Пошли, – позвал Терри, – мне тоже нужно выпить.

Следом за Терри я вышел из гостиницы, и мы зашагали по улице. Поворот, еще поворот, еще – наконец мы очутились перед какой-то коричневой дверью. Терри первым нырнул в нее, я – за ним, жажда поскорее очутиться в приюте мира и тишины...

Если мои первые шаги по новозеландской земле были слегка неверными, то это потому, что меня слишком рано познакомили с понятием «пятичасовое пойло». Не правда ли, в этом выражении есть что-то восхитительно пасторальное, я бы даже сказал, идилическое. Сразу представляешь себе откормленных, чисто вымытых свиней, которые жадно, торопясь утолить голод, хлебают теплое пойло, принесенное загрузившими, но заботливыми руками славного сына земли, добродушного селянина с лучистыми глазами.

Как далека от истины эта картина!

«Пятичасовое пойло» – прямое следствие глупейших постановлений, которые ограничивают продажу спиртных напитков в Новой Зеландии. Чтобы люди не пьянствовали, бары закрываются в шесть часов вечера, сразу после окончания рабочего дня в учреждениях. Поэтому служащие, выйдя на улицу, мчатся сломя голову в ближайшую пивную и предприни-

мают отчаянные усилия, чтобы в кратчайший срок поглотить возможно больше пива. Из всех мер борьбы с алкоголизмом, о которых я слышал, эта – одна из самых нелепых.

В «Приюте тишины», куда меня заманил Терри, как раз шел розлив пятичасового пойла. Сцена, которую я увидел, с трудом поддается описанию. Десятки изнывающих от жажды новозеландцев сплоченными рядами осаждали стойку, все старались перекричать друг друга и быстро-быстро глотали пиво. Чтобы кружки не простаивали, пиво разливалось через длинный шланг с краном на конце. Как только на стойку опускалась пустая кружка, бармен подбегал и мгновенно наполнял ее. Дело это было совсем не простое; по-моему, на стойку попадало больше пива, чем в кружки.

Не успел я и глазом моргнуть, как меня уже представили пяти-шести завсегдатаям (имен я не разобрал), и они не мешкая поднесли мне по кружечке пива. Помню, что передо мной стояло в ряд восемь кружек, а так как я держал в руках еще три, рукопожатия на этом кончились. Время от времени все, как по сигналу, принимались кричать: «Пей, пей скорей, через минуту закроют!» Едва я управился с восьмой кружкой, как в то же мгновение, словно по знаку злого волшебника, на месте пустых кружек возникло восемь полных! Новозеландское гостеприимство превышает всяких похвал, но не каждый может его вынести. От выпитого пива и от шума у меня разболелась голова. Внезапно раздался оглушительный звон медного колокола; казалось, это причитает пожарная машина, обезумевшая от несчастной любви. Я решил, что пивная загорелась, и даже попытался представить себе, как будут гасить пожар пивом из шланга, но тут увидел обращенные на меня скорбные глаза Терри.

– К сожалению, Джерри, уже закрывают, – грустно произнес он. – Надо было прийти пораньше.

– Да-да, ужасно обидно, – соврал я.

Мы пробились сквозь толпу на улицу и добрались до гостиницы; здесь Терри покинул меня. Джеки выглядела возмутительно свежей и отдохнувшей после ванны.

– Ну как, подкрепился? – спросила она.

Не удостоив ее ответом, я лег на кровать и закрыл глаза.

Только я погрузился в приятную дремоту, как раздался стук в дверь и вошел Брайен Белл. Глаза его горели организаторским рвением.

– Хелло! – бодро воскликнул он. – Как самочувствие? Отдохнули немного?

– У меня такое самочувствие, – с горечью произнес я, – словно я только чудом не утонул в бочке мальвазии.

– Ну вот и отлично, – сказал Брайен, пропуская мои слова мимо ушей. – А теперь, поскольку завтра рано выезжать и другой возможности вам не представится, вы, верно, не откажетесь поехать и навестить кривоклювов. У нас еще есть время перед телевизионной передачей.

Жизнь научила меня одному важному правилу: хочешь чему-нибудь научиться, не бойся признаться в своем невежестве. Скажи прямо: «Не знаю», и тотчас все бросятся тебе объяснять и показывать и в два счета тебя просветят. И теперь я применил этот же принцип.

– Что такое кривоклюв? – спросил я.

От такого невежества круглые голубые глаза Брайена округлились еще больше, но он был слишком воспитан, чтобы высказать вслух то, что думал.

– Это маленькая болотная птица, – принялся он объяснять таким тоном, словно перед ним был недоразвитый ребенок ясельного возраста. – Ее называли так из-за свернутого набок клюва. Кривоклювы, или, как их еще зовут, кривоклювые зуйки, водятся только в Новой Зеландии, и их осталось совсем немного, от силы тысяч пять. Правда, точного счета никто не вел. Здесь неподалеку, на побережье, как раз есть небольшая колония, и я предлагаю съездить туда, посмотреть на них.

Какой натуралист, как бы гнусно он себя ни чувствовал, устоит, когда ему предлагают посмотреть птицу, у которой клюв свернут набок! И вот уже окраина Окленда осталась позади.

Мы ехали по сельской местности, и чем дальше, тем тоскливее становилось у меня на душе, потому что кругом был точно такой же приятный ландшафт, какой вы увидите на стыке Дорсета и Девона: холмы, холмы, сочная зелень травы на склонах с белыми крапинками овечьих стад, аккуратно огороженные квадратики полей с невысокими ветрозащитными рошицами. Даже птицы, взлетающие с обочин, были старые знакомые – дрозды и скворцы, а высоко в небе над нами, исполняя свою вечернюю песенку, висел жаворонок. Ехать, рваться в такую даль только для того, чтобы увидеть второе издание Англии! А тут еще это пиво... Я чувствовал себя так, словно меня подвергли какой-то утонченной пытке. И к тому времени, когда машина свернула на ухабистый проселок, ведущий к морю, настроение у меня совсем испортилось, и я уже спрашивал себя, стоило ли вообще ехать в эту Новую Зеландию. Дроздов и жаворонков у нас и дома хватает.

Сбавив ход, Брайен протиснул машину сквозь стадо овец, которые шарахались во все стороны, трясая густым руном, и остановился возле изгороди. За изгородью был кочковатый луг, дальше начинался совершенно ровный участок высохшей глины, глину сменил галечный пляж, его омывало хмурое серое море. Брайен объяснил нам, что обычно кривоклювы добывают себе корм на длинной галечной косе слева, но в прилив, когда коса исчезает под водой, они отступают вот на этот глинистый участок перед нами. Однако, как мы ни напрягали зрение, никаких птиц не было видно. Бормоча себе под нос страшные проклятия организатора, чье рвение пошло насмарку, Брайен медленно двинулся вдоль изгороди; мы последовали за ним. В это время подул резкий, холодный ветер и сразу же начал накрапывать дождик. Где вы, горячая ванна и мягкая постель... Вдруг Брайен остановился и приставил к глазам бинокль.

– Ага! – торжествующе гаркнул он. – Вон они! Не совсем там, где им положено быть, но все-таки мы их нашли.

Я направил свой бинокль туда, куда он показывал рукой. В первую минуту я увидел одну только серую грязь, много грязи и никаких признаков жизни. Потом разглядел на глине нечто вроде огромной шали из тончайшего серого шелка, которая непрерывно переливалась. А когда я как следует присмотрелся, шаль оказалась плотным скоплением маленьких птиц. Они совершали какие-то странные маневры, так что стая почти все время находилась в движении, оставаясь при этом на одном месте. Издали нельзя было разобрать, чем они заняты, поэтому мы осторожно пошли через разделявший нас кочковатый луг. Нам удалось подойти к кривоклювам метров на шестьдесят, не вызвав у них ни малейшей тревоги. Теперь было ясно видно, что они делают. Из всех стайных маневров, которые я когда-либо наблюдал в мире пернатых, этот был одним из самых удивительных.

Кривоклювы были величиной с зуйка-галстучника, спинка голубовато-серая, брюшко белое, над глазами через весь лоб белая поперечная полоса, под подбородком аккуратное черное пятнышко. Маленький клюв изогнут вправо наподобие садовых ножниц, так что эти крутолобые птицы кажутся курносыми. Но больше всего меня заинтересовала не редкостная форма клюва, а поведение стаи. На участке площадью пятьдесят квадратных метров собралось около полусотни птиц; все они стояли на одной ноге, головой к ветру, с интервалом сантиметров в тридцать. Стоят, борясь с ветром, нахохлились, темные глазки моргают, и вид у всех такой печальный, что дальше некуда. Вдруг, без всякой видимой причины, один кривоклюв прыгнул вперед сантиметров на пятнадцать, продолжая опираться на одну ногу. Сразу строй оказался нарушенным, соседям пришлось подтянуться, за ними последовали другие, и пошло... То и дело все птицы приходили в движение, в целом же стая оставалась на месте. Я смотрел очень внимательно, но так и не смог понять, что побуждало их совершать этот маневр. Они не танцевали и не разыскивали корм, а просто стояли кучкой, словно какие-нибудь горькие сироты,

время от времени затевающие странную игру в «классы», чтобы отвлечься от тоскливых мыслей...

По словам Брайена, специалисты считают, что причудливая форма клюва помогает кривоклювам доставать из-под камней мелких рачков и прочую морскую мелюзгу, которой они кормятся.

Около часа наблюдали мы взъерошенных, иззябших кривоклювов. Несмотря на кипучую деятельность, стая переместилась за это время от силы на метр. Но как ни увлекательно было смотреть на этих прыгунов, пришла пора уезжать. Мы нехотя вернулись к машине и под мелким дождем покатали обратно в Окленд. Встреча с кривоклювами приободрила меня, я воспринял ее как добрую примету, знак того, что мы, пожалуй, все-таки увидим в Новой Зеландии кое-что интересное.

I

Гейзеры, уэки и каки

*Если встретим мы страшную птицу джабджаб,
Нелегко нам с ней будет справиться!*

«Охота Ворчуна»

На следующее утро мы встали безбожно рано (во всяком случае, так показалось мне, еще не опомнившемся после «пойла»). Выехали из Окленда, и снова потянулся «английский» ландшафт с наводящими тоску дроздами и скворцами. Брайен вел машину, причем делал это – как и все, за что брался, – очень хорошо. Заранее скажу, что на протяжении нескольких недель, которые мы провели вместе с Брайеном Беллом, мое уважение и моя симпатия к нему росли день ото дня. Он показал себя человеком спокойным и находчивым, а главное – превосходно знал свое дело. Больше всего на свете его заботило, как бы последние уцелевшие виды исконной новозеландской фауны и флоры не погибли из-за недостаточно строгих и действенных законов и мероприятий. И пока мы ехали к очередному объекту, он объяснял мне, какие трудности стоят перед Управлением природных ресурсов, которое пытается отстоять фауну Новой Зеландии.

Прежде всего, говорил Брайен, нужно учитывать, что Новая Зеландия – геологически совсем молодая страна, поэтому ее горы больше подвержены разрушению. Местами можно буквально раскрошить камни пальцами. Поверх рыхлой породы лежит тонкий почвенный покров, в большинстве районов его защищает от размыва лес, а на возвышенностях – травы. Первыми Новую Зеландию заселили «охотники на моа»; эти племена называют так потому, что для них главным источником существования была охота на ныне вымершую, напоминавшую страуса огромную птицу моа. Охотники на моа, хотя в какой-то мере и жгли и рубили лес, не причинили ему большого ущерба. Потом явились маори и истребили охотников на моа. При маори леса и пастбища гораздо больше пострадали от вырубki и пала. Наконец прибыли европейцы. Они взялись за дело столь основательно, что вскоре огромные площади остались без леса и трав. Началась эрозия, появились обширные плещи. Одной из первых (и, несомненно, глупейших) затей европейских переселенцев был привоз животных и птиц, преимущественно из «родной Англии». До тех пор природа, которая, в общем-то, неплохо знает свое дело, сумела наладить равновесие в животном мире. Млекопитающих вовсе не было, если не считать небольшого количества летучих мышей; было несколько видов безобидных мелких рептилий с живописной окраской, и была тьма красивых птиц. До прихода человека, а точнее – европейцев, Новая Зеландия была раем для птиц: густые леса, просторные луга, оби-

лие насекомых и почти полное отсутствие хищников. В это гармоничное царство европейцы ввезли дрозда, скворца, крикву, лебедя-шипуна, жаворонка, фазана, зеленушку, завирушку, воробья, зяблика, щегла, овсянку и множество других европейских видов, а также более экзотических птиц: индийскую майну, белоспинную сороку, розового какаду и черного лебедя. Мало им было этого акта преступной глупости, они еще завезли млекопитающих: благородного оленя, лань, пятнистого оленя, виргинского оленя, малого кенгуру, серну, американского лося, индийского оленя замбара, опоссума, непальского горного козла тара, вапити, яванского оленя Руса. Одновременно поселенцы, разумеется, продолжали рубку леса и хищнический выпас на горных лугах. Чудесным новозеландским птицам пришлось туго. Площадь угодий, пригодных для их жизни, сократилась, а тут еще надо было конкурировать с чужеземными животными, с которыми они никогда прежде не сталкивались. Неудивительно, что их число пошло на убыль, а некоторые виды и совсем исчезли. Многие уникальные виды прежде обитали на маленьких островках вдоль побережья; этих птиц всегда было мало, даже когда их никто не трогал. Сколько таких малочисленных видов вымерло из-за того, что на остров намеренно или случайно привозили кошек, которые затем дичали, или же овец и коз, которые сводили всю растительность, то есть среду обитания птиц! Даже теперь, по словам Брайена, Управление природных ресурсов вынуждено тратить немалые силы, стараясь избавить острова от вредителей и спасти пернатых от гибели.

В дороге Брайен снова и снова приводил мне красноречивые примеры, подтверждающие его слова.

– Вот, убедитесь сами. – Он останавливал машину у обочины и показывал на холм, лишенный травы и почвенного покрова. – Пример чересчур интенсивного выпаса. Не разрешается пасти овец выше трехсот метров, а они пасут. Что же получается? Трава исчезает, дерновый покров исчезает, горная порода разрушается, и – готово: обвал! Обвалом запрудит реку, она разольется и смоем почву на дне долины, где ей, казалось бы, ничто не грозило.

Иногда он останавливался у опушки леса и показывал на молодые деревца, «окольцованные» оленями. Эти пришельцы обгладывают нежную кору вокруг всего ствола, и дерево погибает. Но пожалуй, самым ироническим примером служили телеграфные столбы, обитые посередине полоской жести.

– Это против опоссумов, – объяснил Брайен. – Какому-то предприимчивому малому пришло в голову, что у опоссума красивая шкурка, и он задумал организовать пушной бизнес. Привез из Австралии животных и начал дело. Конечно, из этой затеи ничего не вышло, тогда он выпустил опоссумов на волю. Теперь они – настоящий бич: затеяли лазить на столбы электропередачи. Устроят короткое замыкание, сами погибнут и целый город оставят без света. Вот и приходится обивать столбы жестью, чтобы опоссумы не могли залезть.

К десяти часам мы добрались до небольшого городка на берегу озера Вангапе, где предполагали встретиться с нашим режиссером Крисом Парсонсом и оператором Джимом Сондерсом. Где же они?.. Остановив машину возле кафе, Брайен хмуро поглядел на свои часы.

– Не понимаю, – встревоженно произнес он, – они уже должны быть здесь.

– Может быть, спустились к озеру? – предположил я.

– Может быть, – неуверенно произнес Брайен. – Но мы же условились встретиться у кафе. Ладно, пойдём посмотрим.

Оставив «лендровер», мы поднялись по зеленому откосу на гребень, возвышавшийся над озером. С голубого неба светило яркое солнце, и вид был изумительный. На самом деле здесь было не одно, а два, если не три соединенных друг с другом протоками озера со множеством островков, поросших лесом и камышом. Окружавшие Вангапе увалы были изумрудно-зеленого цвета, с редкими купами тополей, чьи кроны уже были тронуты червонным золотом. Но мой взгляд был прикован к поверхности озера: там плавала такая армада черных лебедей, что у меня захватило дух.

Они плыли где в одиночку, где огромными стаями; время от времени какой-нибудь отряд лениво отрывался от воды и летел над зеркальной гладью вдогонку за собственным отражением. Лебедей было так много, что я не пытался даже приблизительно определить их численность. Куда ни погляди – всюду плывут, летят лебеди; такое впечатление, словно вся поверхность озера непрерывно движется. Казалось непостижимым, как эти полчища птиц – пусть даже на такой большой площади – находят себе достаточно корма.

– По нашим расчетам, – бесстрастно сказал Брайен, – на этом озере около десяти тысяч лебедей. Разумеется, время от времени мы устраиваем отстрел, чтобы они не слишком размножались, но это почти безнадежное дело.

– Очевидно, если бы не эта армия незваных гостей из Австралии, озеро кишело бы новозеландскими утками? – спросил я.

Брайен пожал плечами.

– Да, – подтвердил он, – тут отличное место для уток. Но я уже говорил, в чем беда. Мы завезли всю эту нечисть, и теперь она вышла из-под нашей власти. В этом одна из главных проблем нашего управления.

Первых черных лебедей привезли из Австралии в Новую Зеландию в 1864 году, и, судя по тому, что мы увидели на Вангапе, они превосходно освоились на новом месте. Хуже всего, что эти красивые, грациозные птицы добывают корм (преимущественно водные растения) поблизости от берега и, естественно, достают его с большей глубины, чем утки. Лебеди засоряют и воду, и берег, обрекают уток на голод и вынуждают их покидать насиженные места. На Вангапе не осталось ни одной утки; на сколько хватало глаз – одни только черные лебеди.

Мои размышления о человеческой глупости были прерваны гулом мотора. Мы скатились по откосу на дорогу и увидели выбирающихся из машины Криса и Джима.

– Э-гей! Люди! – с небывалым для него энтузиазмом кричал Крис, спеша нам навстречу.

Крис Парсонс – мужчина среднего роста, темноволосый, из-под тяжелых век смотрят зеленые глаза, а нос у него такой, что ему позавидовал бы покойный герцог Веллингтон. Обычно сдержанный и спокойный, он не мог нарадоваться своему первому большому путешествию и, здороваясь, чуть не оторвал нам руки. Оператор Джим Сондерс – невысокий брюнет с красивым, четко очерченным лицом, какое можно увидеть на древнеримских медальонах, и на редкость озорной, подкупающей улыбкой. Его приятный западноанглийский говор с легкой картавинкой будит в душе уютные воспоминания о дремлющих ульях в час заката или о прохладе яблоневого сада в жаркий летний день.

– Нет, нет, вы только подумайте! – воскликнул Крис, продолжая победно улыбаться, словно это он сотворил Новую Зеландию. – Скажи мне кто-нибудь два месяца назад, что мы встретимся на берегу озера Вангапе, в сердце Новой Зеландии, точно в назначенное время...

– Где же точно, – сурово перебил его Брайен, – вы опоздали на полчаса.

– Ничего подобного, – возмутился Крис. – Мы приехали полчаса назад, но вас тут не было, и мы проехали немного дальше, поснимали озеро широкоугольником.

– А-а... – Брайен несколько смягчился. – Ну ладно, давайте выпьем по чашке чая, а затем спустимся к озеру.

За чашкой чая и горой гренок мы с Крисом обсудили, что и как снимать на озере. Я уже говорил, что главной темой задуманных нами программ была охрана природы. Мы хотели показать на примере трех стран, как решается эта задача, и подчеркнуть мысль о том, что охранять надо не только животных, но и среду, в которой они обитают. Дело осложнялось тем, что все три страны были для меня совершенно новыми, поэтому сразу по прибытии я старался узнать возможно больше об интересующем меня предмете, чтобы дать Крису и Джиму примерный сценарий.

– Пока мы ехали сюда из Окленда, – рассказывал я своим друзьям, – я постарался выкачать из Брайена все, что он знает. И по-моему, надо попробовать осветить такие проблемы: во-

первых, совершенно непродуманный завоз в Новую Зеландию животных, большинство которых стало подлинным бичом. Хорошим примером могут служить здешние черные лебеди. Во-вторых, изменение среды, которое отражается и на людях, и на животных. Я имею в виду сплошную рубку леса на больших площадях в прошлом и уничтожение травостоя скотом в наши дни. Это и ляжет в основу сценария, я его набросаю вечером, а сейчас надо непременно снять лебедей. Их завезли, они стали вредителями, но в то же время они очень эффективны и хороши собой. Ваше мнение?

Крис в знак раздумья зашторил глаза веками, словно ястреб, укрылся за собственный нос и стал похож на дистрофичную ламу.

– Гм... – молвил он наконец. – Вообще-то, мне бы хотелось сперва почитать сценарий, но, как ты справедливо заметил, завезенные виды, которые стали вредителями, будут, конечно, играть важную роль, так что, по-моему, не мешает отснять как можно больше материала о лебедях.

– Черные лебеди есть в Бристольском зоопарке, – сообщил Джим с полным ртом. – Можно было снять их там... Незачем лететь сломя голову в Новую Зеландию... Пустая трата денег... Смотался в Бристоль, и дело в шляпе.

– Не слушай ты его, – с достоинством произнес Крис. – Эти операторы, за редким исключением, грубый и неотесанный народ.

– Точно, – согласился Джим. – Но я хоть знаю, что я неотесанный, в этом мое преимущество. Я всегда говорю: познай самого себя. Не то что наш Крис, у него сплошь одни пороки, да разве он признается хоть в одном. Я так рассуждаю: грехи, пока можешь. А то кто его знает, вдруг завтра явится кто-нибудь и исправит тебя. Что тогда?

– Хотел бы я посмотреть на того, кто попытается исправить тебя, – уничтожающим тоном сказал Крис.

Перекусив, мы спустились по разбитому проселку на машине к озеру. Здесь нас ждал смотритель с большой лодкой, на которой был установлен мощный подвесной мотор. Мы погрузили съемочную и звукозаписывающую аппаратуру, Генри пустил мотор, и лодка заскользила по блестящей глади к самой большой лебединой стае. Мы хотели сперва снять взлетающих птиц, чтобы лучше показать, как их много. Взяв курс на участок, где из-за лебедей не было видно воды, Генри развил предельную скорость, а когда осталось метров сто, выключил мотор, и лодка продолжала идти по инерции. Птицы – все это огромное скопище – попытались уйти от нас, но лодка шла быстрее, и вскоре самые робкие предпочли взлететь. И сразу началась паника, пятьсот-шестьсот птиц отчаянно забили крыльями, спеша оторваться от воды. Пепельно-серое и черное оперение, сургучно-красные клювы и ноги – непередаваемое зрелище... Лебеди вспенили тихую гладь, взлетели, и шум хлопающих крыльев уподобился грому оваций в огромном, гулком концертном зале. Вытянув длинные шеи, птицы кружили над нами, и, казалось, в воздухе распластались сотни черных крестов, только белые кончики крыльев, словно огоньки, мелькали на фоне темного оперения. Вскоре все небо над озером заполнилось лебединой круговертью, гигантским вихрем черного конфетти. Жутко было смотреть на этот карнавал пернатых и сознавать, что все началось с нескольких пар лебедей, неосмотрительно завезенных в страну сто с небольшим лет назад. Можно ли привести более выразительный пример того, какие грубые промахи совершает человек, вмешиваясь в распорядок природы!

Мы продолжали скользить туда-сюда по озеру и встретили немало молодых лебедей, которые явно не желали поддаваться панике. Изящно изогнув шею и аккуратно сложив крылья, так что они сливались со всем оперением, будто выложенным из раковин, они плавали степенно, невозмутимо, как приличествует лебедям. Однако, по мере того как лодка начинала их настигать, они теряли самообладание, постепенно расправляли крылья и вытягивали шею вперед, выпрямляя ее. А лодка все ближе, ближе, и вот уже лебеди с недовольным гуканьем

вспенивают воду ударами сильных крыльев и взлетают в каскадах брызг, волоча за собой ярко-красные ноги.

Наконец все, что требовалось, было отснято, и мы пошли к берегу. Как только лодка причалила, черная круговерть начала опускаться на озеро, и по темной глади побежали широкие клинья. Вполне довольные отснятыми кадрами, мы сложили аппаратуру, усидели еще один здоровенный чайник, закусили гренками и приступили к следующему этапу нашего путешествия.

Нашей целью был город Роторуа, несомненно, один из самых необычных городов в мире, необычных – и ненадежных, ведь он построен в «питомнике вулканов», иначе это место не назовешь.

Когда въезжаешь в Роторуа, так и кажется, что перед тобой Голливуд, декорации для какого-нибудь ковбойского фильма. (Впрочем, то же можно сказать о многих новозеландских городах.) Кажется, если заглянуть за фасад деревянных домов на главной улице, там будет пусто. Но еще больше при въезде в Роторуа поражает запах. В первый миг вы готовы приписать его миллиону протухших яиц, но после второго или третьего вдоха узнаете чудесный аромат сероводорода. Его в воздухе столько, что хоть топор вешай. Есть и другие, я бы сказал, зловещие признаки, свидетельствующие о том, что этот город не похож на прочие города. Тут и там вдоль тротуаров, а то и посреди мостовой в дорожном покрытии видны трещины, из которых лихо бьет струя белого пара, как будто захоронили небольшую паровую машину, а она возьми да оживи. Это придает уличным сценам особую, жуткую прелесть, но иногда оборачивается неприятностями. Незадолго до нашего приезда, рассказал Брайен, один местный житель, работая в своем подвале, ударом кирки открыл выход струе пара, и она убила его. Одержимый рвением, он, можно сказать, проколол аорту какого-то вулкана и поплатился жизнью. Эта история произвела на Джима такое впечатление, что он настоятельно потребовал, чтобы мы отказались от задуманной ночевки в Роторуа и тотчас отправились дальше, однако его предложение не нашло поддержки.

– Вы просто сумасшедшие, – убежденно произнес он. – Попомните мои слова: утром в наших постелях будет лежать вареное мясо. А запах... Как прикажете есть в таком воздухе? Никакого вкуса не разберешь.

Что верно, то верно: все, что мы ни ели в Роторуа, отдавало тухлыми яйцами. Я попытался утешить своих товарищей тем, что пища в рядовом новозеландском отеле только выигрывает от запаха сероводорода...

Как только мы решили вопрос с жильем, Брайен повел нас смотреть, как он выразился, «горячие источники». Честно признаюсь, я вовсе не жаждал их увидеть, так как с этим названием у меня были связаны страшные воспоминания о месте, где старики и калеки обоюбого пола на инвалидных колясках передвигались от источника к источнику, кашляя, харкая и глотая самую отвратительную (во всяком случае, если судить по запаху) воду, какая только бьет из недр земли. Всякому, кто полагает, что знахарство уже в прошлом, было бы крайне полезно взглянуть на такой, с позволения сказать, курорт. Однако я вскоре убедился, что Брайен понимает под «горячими источниками» нечто совсем иное, и я ничуть не жалею, что совершил эту экскурсию, потому что зрелище было поистине удивительным.

Доехав до окраины Роторуа, мы вышли из «лендровера» и спустились пешком в небольшую долину. Запах тухлых яиц сразу же неимоверно усилился, и воздух стал более теплым и влажным. Поворот – и нам почудилось, будто мы вдруг перенеслись на миллионы лет назад, в эпоху, когда Земля была еще совсем молодой, неостывшей и неоформившейся. Выходы коренной породы причудливо смяты, скручены, испещрены отверстиями и трещинами, из которых периодически, подчиняясь какому-то загадочному биению в недрах земли, словно кровь из перерезанной артерии, вырывались струи пара – местами короткие, а местами и повыше, достигая двух – двух с половиной метров. Пар курился даже над самыми маленькими щелями,

поэтому воздух буквально был пропитан влагой и все было видно как бы сквозь колеблющуюся вуаль. Самые мощные гейзеры выбрасывали столб пара высотой до четырех-пяти метров. Извержение длилось минут десять, потом почему-то прекращалось, а через некоторое время возобновлялось, сопровождаемое своеобразным гулом и свистом. И если вы, забывшись, станете над таким «жерлом», это может стоить вам жизни – ведь даже брызги, что разлетаются в стороны от кипящего столба, погорячее воды в вашей ванной...

Через скользкий, коварный участок мы осторожно прошли к небольшому говорливому потоку, который бежал по каменистому ложу, кутаясь в рваное одеяло из пара. Температура воды в нем была вполне сносная, каких-нибудь тридцать градусов с хвостиком. Форсировав поток, мы пошли дальше и очутились у грязевых озер. Они оказались настолько любопытными, что я около получаса буквально не мог от них оторваться.

Озера были разной величины, одни довольно большие, другие с маленькой круглой стол. Цвет их тоже разный: где густо-коричневый, где посветлее, вроде кофе с молоком. Цветом и консистенцией грязь напоминала кипящий молочный шоколад. Казалось, она и впрямь кипит, на самом же деле ее заставляли бурлить струйки пара, пробивающиеся сквозь горячую вязкую массу. Посмотришь – озеро ровное, гладкое, такое соблазнительное на вид, что хоть зачерпывай ложкой и ешь. Но тут на зеркальной поверхности вздувался пузырь – сперва маленький, с яйцо дрозда, он становился все выше и шире, достигая размеров целлулоидного мячика, а то и апельсина (если грязь была достаточно вязкая). В конце концов пузырь лопался с громким булькающим звуком, и возникал крохотный «лунный» кратер. Постепенно кратер заполнялся, и опять озеро гладкое, пока не накопится пар, – тогда все начнется сначала.

В некоторых озерах, где пар напирал сильнее, шесть-семь пузырей выстраивались в круг и буквально «пели» вместе. Впрочем, «пение» это скорее напоминало перезвон колоколов – ведь пузыри были неодинаковые и лопались с разным звуком. Через равные промежутки времени пар пробивался сквозь грязь, и пузатые пузыри исполняли свою мелодию: глуп... плип... глуп... плип... сплуп... плип... глуп... плип... сплуп... плип... Упоительная музыка; я наклонялся то над одним, то над другим озерком, плененный этими своеобразными оркестрами. Мне удалось найти семнадцать особенно одаренных пузырьков, исполнявших нечто настолько сложное и гармоничное, что, пожалуй, кроме Баха, этого никто не мог сочинить. И я уже прикидывал, как бы заключить с ними контракт и переманить их в Англию, где они свободно могли бы выступить в Лондонском концертном зале (скажем, под управлением сэра Малколма Сарджента¹), но тут меня грубо вернул с облаков на землю голос Криса.

– Пошли-ка, дружок, – сказал наш режиссер, вынырнув из тумана с видом убитого горем Данте. – Хватит лепить пирожки из грязи. Я там нашел штук шесть гейзеров, все они выстроились в ряд и извергаются как черти. Мне нужно, чтобы ты и Джеки прошли перед ними.

– Очаровательная идея! – горестно произнес я, с трудом отрываясь от поющих пузырьков и ныряя в туман следом за ним.

В самом деле, лихо пересвистываясь и аукаясь, стояли почти точно в ряд шесть гейзеров высотой в четыре-пять метров.

– Вот они, – гордо сказал Крис. – Теперь я хочу, чтобы вы с Джеки прошли перед ними. Начнете вон у того камня и остановитесь примерно вон там.

– А как насчет надбавки за риск? – справилась Джеки.

Ее темные волосы были сплошь покрыты мельчайшими капельками воды, и казалось, что она прежде времени поседела.

– Надбавка будет лишь в том случае, если сработает Большая Берта, – ухмыльнулся Крис.

– Это еще что за Большая Берта? – спросил я.

¹ Харолд Малколм Уоттс Сарджент (1895–1967) – британский дирижер, органист и педагог. – *Примеч. ред.*

Крис показал на большое отверстие в скале рядом с тем местом, где мы должны были пройти.

– Большая Берта находится вон в той дыре, – объяснил он. – По-видимому, это самый мощный из здешних гейзеров, но он извергается нерегулярно, раз в десять-пятнадцать лет. Зато уж как разойдется, говорят, струя бьет метров на пятнадцать. Вот, должно быть, зрелище! Я уловил в голосе Криса невысказанную мечту и строго посмотрел на него.

– Ну так вот, заруби себе на носу, – сказал я. – Я не намерен ни при каких обстоятельствах якшаться с пятнадцатиметровым гейзером!

Заняв позицию, которую нам указал Крис, мы с Джеки подождали, пока приготовят съемочную и звукозаписывающую аппаратуру, затем по знаку режиссера двинулись вперед. Маленькие гейзеры неистово фыркали, создавая весьма впечатляющий фон.

Нам оставалось пройти примерно половину, как вдруг у нас под ногами задрожала земля, послышался такой звук, словно рыгнул сам Гаргантюа, потом шипение, и над жерлом Большой Берты вырос столб пара толщиной с доброе дерево. Все громче шипя, струя продолжала вздыматься вверх, пока не рассыпалась брызгами, как фонтан. Град жгучих капель заставил нас с Джеки сломя голову обратиться в бегство. Если не считать того раза, когда меня преследовал разъяренный гну, я не припомню, чтобы мне когда-либо приходилось бегать с такой быстротой. Тяжело дыша, мы добежали до наших друзей. Крис и Джим прыгали от восторга, а Брайен, стоя рядом, гордо улыбался, словно это он самолично организовал извержение Большой Берты.

– Великолепно! – услышал я голос Криса сквозь шипение гейзера. – Просто великолепно! Лучше не придумашь.

Мы с Джеки сели отдышаться на влажный камень; она смотрела на меня, я – на нее.

– Ах, как я вам завидую, мистер Даррелл! – сказала Джеки. – У вас такая интересная жизнь!

– Да-да, сплошные удовольствия и сюрпризы, – отозвался я, вытирая лицо и чиркая отсыревшей спичкой, чтобы прикурить.

– Не понимаю, чем вы недовольны, – заметил Крис. – Вы же были совсем в стороне.

– Не в этом соль, – ответил я. – Ты меня заверил, будто эта пакость извергается только раз в сто лет. Представь себе, что я из мальчишеского озорства встал бы как раз над отверстием. Вот была бы клизма – второй уже не понадобится...

Пока Крис и Джим снимали Большую БERTу в самых различных ракурсах, мы с Джеки еще немного полюбовались грязевыми озерами. Наконец съемки были закончены, мы уложили аппаратуру и выбрались из долины. Наверху я остановился и на прощание еще раз поглядел на смятые, искореженные пласты, на столбы шипящего пара, на лоснящиеся грязевые озера. Все тонуло в плотной завесе тумана, вызванного извержением Большой Берты. Чем-то эта картина напоминала рисунки Гюстава Доре², и я бы не удивился, если бы из-за скалы вдруг вышел динозавр и спустился к грязевому озеру, чтобы искупаться.

Переночевав в Роторуа (вопреки мрачным предсказаниям Джима никто из нас не сварился в постели), мы на следующий день покатали дальше в сторону Веллингтона, расположенного на самом юге Северного острова. Минул час, за ним другой, нам уже надоело кричать: «Смотрите!» – и видеть все одних только зябликов да завирушек, когда Брайен наконец свернул к большому тихому озеру, на берегах которого высились могучие деревья, и здесь мы впервые увидели новозеландских птиц. Разумеется, и тут не обошлось без полчищ черных лебедей, но на этом озере они еще не успели полностью вытеснить коренных обитателей. Вооружившись камерами и биноклями, мы живо выскочили из «лендровера». Каждый занялся своим делом: Крис и Джим снимали, а Джеки, Брайен и я вели наблюдения за птицами, причем Брайен называл нам виды и коротко рассказывал об их образе жизни и распространении.

² Гюстав Доре (1832–1883) – французский график, живописец, мастер книжной иллюстрации. – *Примеч. ред.*

Самыми многочисленными и самыми красивыми были новозеландские огари, или, как их еще называют, райские утки. Несколько пар этих птиц добывали себе корм на мелководье в каких-нибудь десяти метрах от нас. Удивительно, до чего не похожи друг на друга самец и самка; на первый взгляд казалось даже, что перед нами представители двух разных видов. Селезень: голова, шея и грудь черные с блестящим отливом, спинка тоже черная, но с тонкими белыми полосами, живот ярко-рыжий, также расписанный белыми полосками. Утка: спинка черная в белую полоску, грудь и живот рыжие с белыми полосами, голова и шея чисто белые. Я впервые видел этих очаровательных уток и сначала принял более нарядную самку за самца, пока Брайен не просветил меня. И все-таки странно, что утка окрашена ярче селезня, – как-никак ей принадлежит опасная обязанность высидывать яйца, когда, казалось бы, особенно важен камуфляж.

Вторым по численности новозеландским видом, представленным здесь, были новозеландские чернети. Но они держались куда осторожнее, ходили стайками вдалеке от берега, и мы только мельком, да и то в бинокль, видели этих небольших ладных птиц с коротковатым тупым клювом. Плавали чернети быстро и как-то воровато. Голова и шея у них были черные, с пурпурным отливом сверху и зеленым снизу, и видимая часть тушки выше «ватерлинии» тоже черная. Этот мрачноватый наряд красиво оттенялся белой полосой на крыле, серо-голубым клювом и ярко-желтыми глазами.

Проведя на берегу озера несколько приятных часов, мы снова уселись в «лендровер» и доехали до Веллингтона. Здесь нас разместили в гостинице, которая, как и все новозеландские гостиницы на нашем пути, буквально во всех отношениях оставляла желать лучшего. Уж очень разителен был контраст с искренним, неподдельным радушием, с каким нас встречали повсюду.

На следующий день мы встали рано утром и отправились к морю. Брайен настоял, чтобы мы, прежде чем покинуть Северный остров, непременно побывали в птичьем заповеднике Капити. Устав от моего брюзжания по поводу неизменных скворцов и дроздов, он поклялся, что там я увижу типичных представителей пернатых Новой Зеландии.

Наш «лендровер» остановился около песчаного пляжа, окаймленного небольшими бурунами. Прямо перед нами лежал длинный горбатый островок, поросший густым лесом. В бледном утреннем свете Капити казался темным и угрюмым, в нем не было ничего притягательного. Джим посмотрел на курчавые волны и смерил взглядом расстояние до острова.

– А как мы туда попадем? – нервно спросил он. – Вплавь?

– Нет-нет. Джордж Фокс, смотритель заповедника, придет за нами на катере, – ответил Брайен и поглядел на часы. – Он будет с минуты на минуту.

Мы выгрузили аппаратуру и разложили ее на берегу, приведя в боевую готовность. Наконец от острова отделилась маленькая точка и запрыгала по волнам в нашу сторону. Джим с растущей тревогой следил, как лихо скачет лодка.

– Меня укачает, – объявил он замогильным голосом.

– Вздор, – возразил Крис. – Разве это волна? И вообще тут так близко, что тебя просто не успеет укачать.

– В армии меня однажды укачало на грузовике, когда мы переправлялись через Рейн, – важно сообщил Джим.

На короткое время воцарилась тишина, все переваривали это необычайное заявление.

– Я не хотел бы показаться глупее, чем я есть, – осторожно заметил я, – но мне непонятно, как это можно укачаться на грузовике при переправе через Рейн? Может быть, ты переправлялся на амфибии?

– Нет, – объяснил Джим, – мы ехали по понтонному мосту. И мост качался вверх-вниз, вверх-вниз.

– Ну?.. – нетерпеливо воскликнул Крис.

– Ну и меня укачало, – смиренно сказал Джим.

Я пожал ему руку:

– Горжусь – горжусь знакомством с храбрецом, который пересек реку на грузовике по понтонному мосту, невзирая на морскую болезнь. Теперь понятно, почему мы выиграли войну.

Тем временем катер проскользнул через полосу прибоя и с легким хрустом врезался килем в песок. Из крохотной рулевой рубки выбрался человек, прыгнул через борт и зашагал по воде к нам. Невысокого роста, плечистый, смуглое обветренное лицо и ясные голубые глаза... Это и был Джордж Фокс. Поначалу он показался мне замкнутым и неразговорчивым, но потом я убедился, что Джордж далеко не со всеми таков. Просто за последнее время в птичий заповедник зачастили натуралисты, и большинство из них не отличались учтивостью. Неудивительно, что он подозрительно встречал каждую новую партию любителей природы и киношников, пока не узнавал их ближе.

Лодка весело ринулась вперед, спеша одолеть те восемьсот метров, что отделяют Капити от Большой земли. Джим сидел в рулевой рубке, и на его угрюмом лице было написано недоброе предчувствие. Однако мы добрались до маленькой пристани прежде, чем с ним успело случиться что-нибудь страшное.

Вблизи остров выглядел еще неприветливее. Из моря вздымались крутые скалы, отороченные глухим и пустынным на вид темно-зеленым буковым лесом. Мы выгрузили аппаратуру, втащили ее по узкой тропе наверх, вошли в густой сумрачный лес и тотчас услышали барабанную дробь.

Можно было подумать, что какой-то пигмей, спрятавшись в зарослях слева от нас, тихонько что-то выстукивает на крохотном тамтаме. Дробь звучала несколько секунд, потом прекратилась. После небольшого перерыва другой пигмей, укрывшийся где-то справа, выбил ответный сигнал: короткая дробь – и опять тишина. Внезапно со всех сторон зарокотали тамтамы, как бы подтверждая, что послание принято и понято. Дробь отзывалась на дробь, шел сложный, непонятный разговор.

– Скоро пигмеи нас атакуют? – спросил я Брайена, живо представляя себе племя карликов, доведенное до неистовства речитативом военных тамтамов.

Брайен улыбнулся.

– Я же говорил вам, что вы увидите здесь настоящих новозеландских птиц, – ответил он. – Это уэки. Одна из самых любопытных птиц Новой Зеландии. Им всегда надо знать, кто и зачем прибыл на остров. Вы их сейчас увидите.

Тропа вела нас все дальше вверх, и вдруг лес расступился. На залитой солнцем прогалине стоял чистенький домик Джорджа Фокса. Нас встретила его сестра и сразу покорила наши сердца, предложив нам горячего кофе и домашнего печенья. Сидя на солнышке, мы жадно уписывали пришедшееся очень кстати угощение; вдруг из-за камня высунулась чья-то коричневая голова, с любопытством обозрела меня большими темными глазами и снова исчезла.

– Брайен, – сказал я, – только что вон из-за того камня выглянула какая-то коричневая птица.

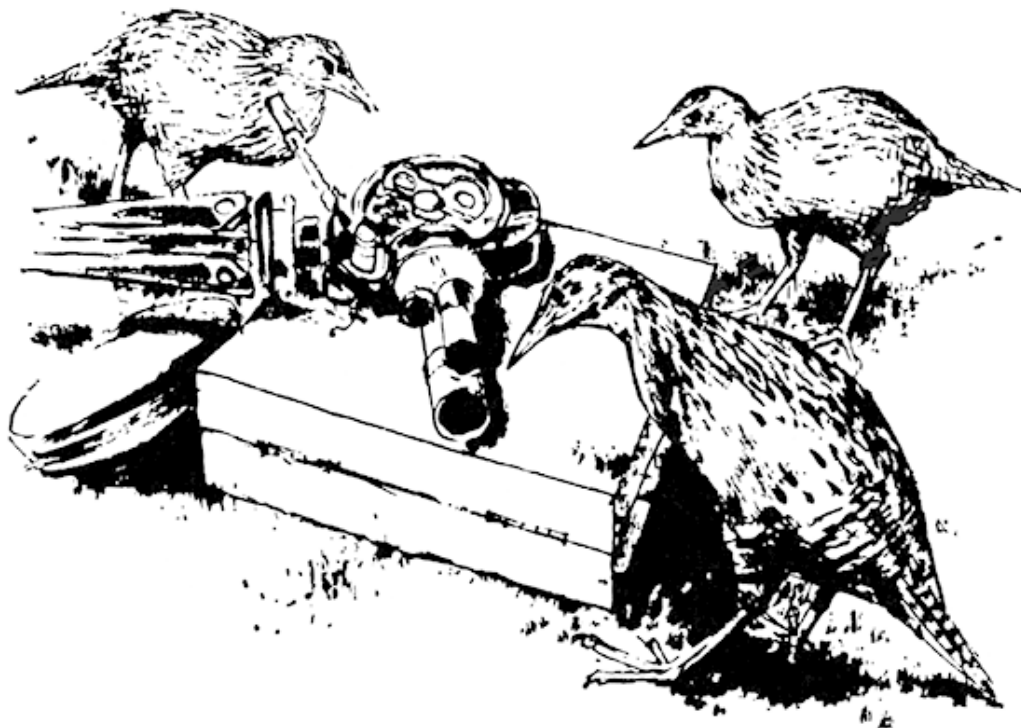
– Ага, – отозвался Брайен, жуя печенье. – Это был уэка. Сейчас они все сюда пожалуют. Все новое неудержимо влечет их.

Не успел он договорить, как из зарослей высунулась еще одна коричневая голова, окинула нас пронизательным взглядом и тихонько скрылась. Несколько минут продолжалась интенсивная разведка, птицы выглядывали то из-за камня, то из гуши папоротников, наконец решили, что нас можно не опасаться, и в ту же секунду мы оказались в окружении уэк. Это было похоже на волшебство, птицы появлялись из самых неожиданных мест. Осадив нас, они принялись внимательно изучать съемочную аппаратуру – осторожно клевали кожаные сумки и жестяные коробки с пленкой, рассматривали треноги, наклонив голову, и непрерывно о чем-то переговаривались на своем «языке тамтамов»; ни дать ни взять таможенники, разыскивающие контра-

банду. Я бы сравнил этих красивых, хотя и несколько угрюмых на вид птиц с огромными коро-
стелями. Походка у них была типичная для пастушков: вытянув шею с любопытным видом,
они бережно ставили на землю свои крупные ноги, точно страдали от мозолей. Оперение в
верхней части приятного золотисто-коричневого оттенка, с черными крапинками; живот и шея
снизу серые; над глазами щегольская серая полоска; клюв и ноги красноватые. Глаза, издали
показавшиеся мне почти черными, на самом деле были красновато-коричневыми.

Осмотрев аппаратуру, уэки приступили к исследованию нашей одежды и обуви. Они
легонько тюкали нас клювом по ногам и невозмутимо расхаживали между нами, причем ни
на минуту не переставали трещать. Чем-то это походило на чревовещание: стоя подле ваших
ног, уэка вдруг начинал стучать, вы даже видели, как он это делает, а звук доносился откуда-
то со стороны. Что до невозмутимости, то ее им хватало ненадолго. Стоило бросить на землю
горсть крошек, как начиналась постыдная свалка, уэки беззастенчиво отталкивали друг друга
и сердито перебранивались.

Все время, что мы находились на Капити, уэки ни на миг не отходили от нас. Они сновали
кругом, будто хлопотливые гномы, вмешивались в наши дела, путались у нас под ногами и
непрерывно тараторили. Очаровательное общество – но утомительное.

В первые минуты можно было подумать, что уэки – единственные пернатые на Капити,
но после того, как мы расставили треноги с камерами, начали появляться другие птицы. Пер-
вой к небольшой кормушке, сколоченной Джорджем Фоксом, спустилась птица-колокольчик.
Перед этим она некоторое время пряталась в листве и развлекала нас упоительным концертом,
который состоял из головокружительного каскада чудесных звонких трелей. Мы с нетерпением
ждали, когда же покажется певец. Наконец он слетел вниз к кормушке – и мы испытали чувство
разочарования, так он смахивал на обыкновенную европейскую зеленушку, если не считать
темно-пурпурной окраски головы. Поев и утолив жажду, птица-колокольчик села на ветку над
самой кормушкой и дала еще один небольшой концерт. Она так легко, так виртуозно играла

на своей восхитительной флейте Пана, что за это ей вполне можно было простить заурядную внешность.

Зато следующая птица буквально поразила меня своей внешностью, потому что я представлял ее себе совсем другой. Это был новозеландский голубь, который весьма лениво и самодовольно описал круг над домом, потом опустился на траву и принялся клевать что-то в метре от меня. Почему-то мне всегда казалось, что новозеландский голубь должен напоминать обыкновенного вяхиря, разве что окраска будет более изысканной, как, например, у горлинки. Я никак не ожидал увидеть такую огромную – в два раза больше вяхиря – великолепную птицу, с ярчайшей окраской, которая сделала бы честь самому живописному представителю плодоядных голубей. Голова, шея и верхняя часть грудки были сочного золотисто-зеленого цвета с налетом медной патины, а спинка – пурпурная с каштановым оттенком и тоже с патиной. Нижняя часть спинки, надхвостье и часть хвоста – зеленые с металлическим отливом. Хвост – коричневый с зеленым блеском; кроме того, в хвосте и крыльях были отдельные бронзово-зеленые перья. Клюв желтый, а у основания малиновый, веки красные. Словом, не голубь, а вдовствующая герцогиня, надевшая на себя самые яркие наряды. Рядом с таким оперением трава казалась какой-то тусклой, бесцветной.

Я еще любовался голубем, когда внезапно из кустов вынырнул этакий щеголь в зеленом оперении с металлическим отливом и пурпурными блестками, внешностью настоящий артист. Поверх зеленоватого оперения на шее лежали длинные белые нитевидные перья, а горло украшали две маленькие белые пуховки, в точности похожие на изысканно повязанный шарф, которому мог позавидовать любой законодатель мод. Это был туи. Размерами туи примерно с черного дрозда, но если дрозд выглядит толстым и неуклюжим, то туи – живой и стройный, двигается с изяществом и легкостью балерины. Обозрев нас, он посмотрел в одну, затем в другую сторону и выбрал себе место для выступления. С нашей точки зрения, выбор был идеальным – туи примостился на голом, сухом суку в нескольких метрах от нас, где очень эффектно вырисовывался на фоне светлого неба. Бросив еще один взгляд в нашу сторону и удостоверившись, что мы слушаем, туи запел. Надо сказать, что с первого же дня нашего пребывания в Новой Зеландии мне превозносили до небес певческие способности туи. Но ведь в какую страну ни приедешь, всюду есть своя любимая птица, которая поет, как никакая другая птица на свете, и я давно привык критически относиться к подобным уверениям. Тем не менее, послушав несколько минут туи, я решил, что новозеландцы не преувеличивали, а скорее преуменьшали, – мне редко доводилось слышать столь совершенное и выразительное пение. Мелодичные трели, журчание и воркование искусно сочетались со звуками, напоминавшими то хриплый кашель, то даже чиханье. Перемежать такие звуки с трелями, так что они кажутся вполне уместными и даже необходимыми, – это ли не верх артистизма!

Очарованные пением туи, мы даже забыли, ради чего, собственно, приехали на Капити, пока нам не напомнил об этом Брайен. Речь шла о стае кака, крупных новозеландских попугаев, которые обитали в лесу, но были приучены прилетать на зов. Джордж зашел в свой домик и вынес горсть липких сушеных фиников. Мы приготовили камеры, он встал возле кормушки и начал звать попугаев:

– Сюда, сюда! – Его могучий голос перекатывался между лесистыми холмами. – Сюда, Генри, Люси... Ну, скорей, мои славные... Генри... Люси... ну, сюда, сюда!

Минут пять он кричал впустую, потом вдруг высоко над темно-зеленым пологом леса показалось стремительно летящее пятнышко. Кака спикировал на домик и совершил мастерскую посадку на железную крышу. Здесь я смог как следует рассмотреть его в бинокль. Это была очень крупная птица с необычно длинным и тонким для попугая изогнутым клювом. Голова впереди серая, а цвет перьев вокруг глаз переходил от оранжево-красного вверху к малиновому внизу. Сзади голова коричневая, но с особенным шелковистым переливом и нежными оттенками. Спинка, поясница и надхвостье малиновые, грудь серая, живот малиновый.

Кака решил пройтись по коньку. Шел он, забавно переваливаясь, как ходят все попугаи, причем раз-другой срывался и, чтобы удержать равновесие, начинал хлопать крыльями. Я разглядел, что с внутренней стороны оперение крыльев ярко-красное в коричневую полоску. Осторожно ступая, Кака дошел по коньку до водосточного желоба. За желоб было легче держаться, и попугай заскользил по нему вниз боком, пока не добрался до такого места, откуда ему было удобнее созерцать нашу компанию.

Несколько минут он пристально глядел на нас своими карими глазами, не обращая никакого внимания на мольбы Джорджа, который уговаривал его спуститься. Потом, решив, что под другим углом мы, пожалуй, будем смотреться лучше, он повис вниз головой. Повисел так минут десять, сделал вывод, что мы, несмотря на весьма странный вид, вполне безопасны, расправил крылья и малиновым вихрем опустился на кормушку. Важно расхаживая и приплясывая, Кака ел кусочки финика, которыми его угощали мы с Джорджем. В это время из леса вылетели еще два попугая, и спектакль повторился. Они прошли по крыше, рассмотрели нас под различными углами и наконец спустились к кормушке. Один из вновь прилетевших, совсем молодой птенец, схватив кусочек, тотчас вернулся на крышу домика; родители же остались и скрипучими голосами о чем-то болтали, воздавая должное липкому угощению. Папаша до того разошелся, что взлетел и уселся мне на голову, чем немало порадовал Криса. Однако я вскоре пришел к заключению, что наблюдать птиц, когда большой тяжелый попугай цепляется за вашу голову острейшими когтями и роняет вам на волосы крошки разжеванного финика, — далеко не лучший способ. Да и клюв у него был такой мощный, что я старался непрерывно потчевать попугая, опасаясь, как бы он не отхватил мне ухо. Тем временем Джордж рассказывал историю своих Кака.

Стая, которая обычно слеталась на его зов к кормушке, насчитывала семнадцать попугаев. К сожалению, в день нашего визита большинство их, по-видимому, находилось в дальнем конце острова, куда не проникал даже зычный голос Джорджа. Первоначально на «званный чай» прилетали две-три птицы, обитавшие по соседству с домиком. Они быстро убедились, что поселившиеся в доме люди не только безопасны, но даже готовы угощать их всякими вкусными вещами, каких в лесу не найдешь, и стали прилетать регулярно. Слух о таком изобилии (если только пернатые пользуются слухами) распространился по всей окрестности, и вскоре стоило человеку повысить голос, как на крышу дома пикировали семнадцать попугаев.

Пока Джордж рассказывал, я с интересом наблюдал за птенцом. Он все еще не решался спуститься к родителям и, сидя в довольно опасной позе на крыше, хлопал крыльями и издавал жалобные хриплые крики. После того как самка основательно наелась, она зажала в клюве несколько кусочков финика и отнесла на крышу, где принялась совать их в жадно разинутый клюв своего отпрыска. Птенец астматически сипел от возбуждения и так энергично бил крыльями, что чуть не свалился с крыши. Четыре порции скормила мать юному попугаю; наконец он приобрел задумчивый и слегка надутый вид. Тут, кстати, и запас фиников кончился, и Кака, удостоверившись, что мы ничего не утаили, улетели в лес. Птенец потянулся за ними, сипя и хныча, словно избалованный ребенок.

Дневной свет померк, снимать стало невозможно, поэтому мы с неохотой собрали аппаратуру и простились с Капити. Катер пошел через пролив к Большой земле, а я смотрел на остров, который вырисовался черным силуэтом на фоне золотисто-зеленого заката. И мне подумалось, что, если разобраться, птицы Капити не такая уж диковина. Если животных и птиц повсюду оставят в покое, если они узнают, что людям можно доверять, в мире появится множество Капити; больше того, стоит чуточку постараться, и весь мир может стать сплошным огромным Капити. Вот было бы чудесно!.. Но, увы, с горечью сказал я себе, эта мечта вряд ли когда-либо осуществится.

II Трехглазая ящерица

*Увы, на первый взгляд картина опечалила отряд —
Кругом все ущелья да пропасти.*

«Охота Ворчуна»

Из Веллингтона мы отправились на Южный остров на пароме. Пока мы наслаждались прелестями морского путешествия, Брайен рассказал, что на Южном острове есть две вещи, которые ему особенно хотелось бы нам показать, поскольку речь идет о двух примерах успешной борьбы за охрану фауны. Это, во-первых, колония королевских альбатросов на мысе Таиароа, во-вторых, гнездовье желтоглазых пингвинов. После этого, продолжал он – и глаза его горели организаторским пылом, – мы побываем на островке, где живет одна из самых паразитических рептилий на свете – туатара, она же гаттерия. Ничего не скажешь, от такой программы потекли бы слюнки у любого уважающего себя натуралиста, и мы сошли на берег Южного острова, исполненные энтузиазма.

На пути к полуострову Отаго и мысу Таиароа мы обнаружили, что Южный остров совсем не похож на Северный, хотя сразу было как-то трудно определить, в чем разница. Столько же ферм и ничуть не меньше полей, и все-таки он мне показался более диким и менее населенным. Наверно, это потому, что все время ощущалось присутствие могучих зубчатых вершин, которые тянутся цепочкой вдоль западного берега. Даже когда их не было видно, они как-то давали о себе знать.

Некоторое время дорога шла по берегу моря, и местами открывались изумительные дикие пейзажи. Могучие валы проталкивались к берегу, где причудливыми пластами громоздились плиты серого камня, будто окаменевшие книги из библиотеки какого-нибудь исполина. На некоторых камнях мы увидели новозеландских котиков; одни лежали кучками, греясь на солнце, другие ныряли со скал в ревущие водовороты, такие неистовые, что просто удивительно, как котики оставались живы.

Полуостров Отаго находится неподалеку от города Данидина, а самый его кончик – это и есть мыс Таиароа. Мы заехали в Данидин, прихватили Стена Кларка, смотрителя заповедника альбатросов, и покатали дальше. Полуостров Отаго представляет собой весьма солидный довесок суши, с виду напоминающий опрокинутую лодку и окаймленный крутыми скалами. На самой макушке, поросшей длинной кустистой травой и открытой всем ветрам, и обосновались королевские альбатросы, едва ли не самые представительные среди морских птиц.

У этого заповедника прелюбопытная история. Стен – высокий, спокойный и мягкий человек – с гордостью поведал мне, как удалось спасти королевских альбатросов.

Обычно альбатросы предусмотрительно выбирают для своих гнездовий окруженные бурными водами уединенные острова, где можно не опасаться хищников, в том числе самого свирепого из них – человека. Но в 1914–1919 годах королевских альбатросов видели летающими над полуостровом Отаго. Они садились на мыс Таиароа, словно проверяя, не годится ли это место для монарших яслей, а в 1919 году там нашли первое яйцо. Новость об этом взбудоражила орнитологов, ведь это был первый известный случай гнездования королевских альбатросов на главных островах Новой Зеландии. Некий доктор Ричдейл и отделение Королевского географического общества в Отаго принимали все мыслимые меры, чтобы защитить альбатросов от двух опасностей: во-первых, от тех людей, которые крадут яйца, или разоряют гнезда, или побивают камнями взрослых птиц (просто удивительно, сколько на свете находится таких

идиотов!), во-вторых, от любителей природы, которые ходили на мыс просто полюбоваться на птиц, яйца и птенцов, не понимая, что потревоженные альбатросы могут вовсе улететь. Помимо людей, альбатросам грозили кошки, собаки и хорьки, уничтожавшие немало птенцов, и даже кролики – они привлекали на мыс хищников, а сами губили растительность и почву. Тем не менее в 1938 году с мыса Таиароа поднялся в небо первый молодой королевский альбатрос. После этого местное портовое управление и Министерство внутренних дел решили помочь заповеднику, а жители Данидина по инициативе клуба Ротари собрали 1250 фунтов – это позволило учредить должность смотрителя, которую и занял Стен.

Потребовалось огородить гнездовье, чтобы на этот участок не ходили посторонние; мера совершенно необходимая, хотя она и пришлась не по душе многим из тех, кто помогал создавать заповедник. Постепенно колония росла, и теперь здесь гнездятся двенадцать пар. Если поменьше тревожить птиц, колония будет расти и дальше, альбатросы привыкнут доверять людям, и придет время, когда можно будет открыть свободный доступ посетителям. Сейчас пускать в заповедник большие группы рискованно: можно спугнуть птиц и уничтожить плоды многолетнего труда.

Стен открыл калитку, запирающуюся внушительным висячим замком, и повел нас по узкой тропе, извивающейся сквозь траву по самому краю скалы. Далеко внизу отливало сталью море; по его сморщенной ветром поверхности скользили стаи морских птиц – чайки, поморники, различные бакланы. Потом тропа начала взбираться по склону на горб, и трава стала повыше, но попадались участки дерна с совсем короткой зеленой щеточкой. Стен вдруг остановился и показал рукой: рядом с тропинкой, всего в нескольких метрах от нее, лежал на земле большой клубок пуха. При ближайшем рассмотрении клубок оказался птенцом, который важно восседал на кучке веточек, изображающей гнездо, каким его представляет себе королевский альбатрос. Птенец размером с откормленную индейку был весь покрыт тонким снежно-белым пухом, удачно оттенявшим большие черные глаза и бананово-желтый клюв. Он плотно сидел на своем гнезде и смотрел на нас, словно рассерженная пуховка. Но стоило нам приблизиться, как птенец начал нервничать, с превеликим усилием взгромоздился на большие плоские ноги, поднял крылья над спиной и защелкал клювом, точно кастаньетами. Снимая его на пленку, мы постоянно помнили о расстоянии: подойдешь слишком близко, и он отрыгнет струйку черной дурнопахнущей жидкости – его единственное средство защиты – и окатит ею тебя и свою беленькую манишку.

Мы оставили птенца в покое и пошли по тропе дальше вверх. Прикрытое от ветра грудой камня, на дерне примостилось еще одно гнездо. Его обитатель оказался куда более флегматичным, он только взглянул на нас и преспокойно продолжал выполнять нелегкую задачу, которую сам себе задал. Родители, когда сооружали гнездо, набросали кругом изрядное количество веток, и теперь юнец развлекался, проверяя, как далеко он может дотянуться со своего места, чтобы взять ветку и добавить в конструкцию. Очевидно, он давно приступил к делу, потому что около самого гнезда земля была очищена от веток, и ему приходилось тянуться все дальше и дальше, рискуя выкатиться и уподобиться обросшему пухом футбольному мячу.

Я выбрал место, куда птенец не мог доплунуть, лег на землю и стал наблюдать, как прилежно трудится юный строитель, но скоро запас веточек кончился, и малыши, покрутившись в гнезде и убедившись, что в пределах досягаемости строительных материалов больше нет, уселся поудобнее и устался в пространство, словно размышляя о чем-то серьезном и важном. Тогда я отыскал подходящий прутик и, осторожно подавшись вперед, протянул его маленькому альбатросу. С минуту он пристально глядел на меня, словно изучая, и осторожно взял прутик клювом с видом аристократки, принимающей слегка потрепанный букет из рук сопливого деревенского мальчишки. После секундного раздумья птенец деловито сунул прутик в ту часть гнезда, которая, по его мнению, нуждалась в починке. Ободренный его милостью, я подобрал другую ветку, подвинулся еще ближе и подал ему. Он взял ее сразу и заметно воодушевился.

Примерил ветку с одной стороны гнезда, решил, что здесь она не на месте, вытащил и положил с другой стороны. Лишь после третьей или четвертой попытки он остался доволен результатом и устремил на меня выжидательный взгляд. Каким бы отвратительным я ему ни казался, в роли сборщика прутьев я его устраивал. За десять минут он наткал в гнездо кучу прутьев и позволил мне приблизиться, так что нас разделял всего какой-нибудь метр. Еще через полчаса мы стали закадычными друзьями, юный альбатрос даже позволил мне поправить две-три ветки, которые легли не совсем удачно (один пруттик он по ошибке засунул себе под крыло).

Глядя на пушистого круглого птенца, который так усердно чинил свое гнездо, я просто не мог себе представить, что в один прекрасный день он превратится в красивую белую птицу с черными крыльями и желтым клювом и будет легко парить над волнами, распахнув свои «плоскости» на три с лишним метра. Через девять лет он (или то была она?) достигнет зрелости, найдет себе пару, и они вернутся на мыс Таиароа, чтобы соорудить гнездо и вырастить своего пушистого птенца. Родители будут по очереди насиживать яйцо, и оба будут заботиться о вылупившемся отпрыске. Когда же птенец подрастет и сможет сам за себя постоять, они улетят в море, а через два года вернутся, и все повторится. Королевские альбатросы соединяются в пары на всю жизнь, и возраст самых старых членов колонии – тридцать пять лет, но медленное созревание, долгий срок насиживания яиц (одиннадцать недель, это почти рекорд), а также то обстоятельство, что у альбатросов бывает лишь один птенец в два года, – все это делает процесс создания колонии чрезвычайно длительным, требующим большого терпения.

Неохотно простившись с птенцами, мы пошли по тропе вниз и вдруг увидели одного из родителей: вдали, у самого горизонта, над седым морем парил черно-белый крест. Он падал и снова взмывал, скользя в воздухе так же легко, как камень скользит по льду. Крылья оставались неподвижными, только тело чуть наклонялось то в одну, то в другую сторону, помогая широким «плоскостям» лучше принаравливаться к воздушным течениям. Мы остановились и долго любовались этим парением, пока альбатрос окончательно не исчез из поля зрения. Тогда мы еще раз помахали на прощание птенцам и покинули заповедник.

Дальше наш путь лежал туда, где, по словам Стена, находилось одно из гнездовых желтоглазых пингвинов. Эти пингвины – одни из самых красивых представителей отряда, и некогда их было довольно много в районах побережья с благоприятными природными условиями, но всюду, где появлялся человек, они исчезали. Желтоглазые пингвины предпочитают гнездиться вдали от воды, в лесу или в кустах; подле бревна или камня они сооружают себе гнездо из прутьев и жесткой травы. Но люди сводили лес и кустарник; расчищая пастбища для своих драгоценных овец, они уничтожали естественную среду обитания птиц, и число пингвинов пошло на убыль. Если к этому добавить, что фермеры (и не только фермеры) грабили гнезда, разбивали яйца и истребляли беззащитных родителей, – и перед вами в миниатюре то же, что происходит по всему свету: гибнут сотни безобидных видов – птицы, млекопитающие, рептилии.

Стен привез нас на территорию большой овцеводческой фермы. Высокие скалы отгораживали ее от моря, но в этой части полуострова их во многих местах пересекали лощины, заросшие тем самым кустарником, в котором так любят гнездиться пингвины. Владелец фермы (должно быть, один из самых просвещенных фермеров Новой Зеландии) согласился оставить эти лощины в неприкосновенности, и они стали своего рода пингвиньим заповедником. Заодно – все равно он тут жил – фермер вызвался быть общественным смотрителем заповедника. До этого гуманного и разумного шага численность пингвинов сократилась до каких-нибудь нескольких сот. В первые же годы создания заповедника начался прирост, и теперь здесь около двух тысяч пингвинов. Стен опасался, что мы никого не увидим, так как, выведя птенцов, пингвины большую часть времени проводят в море и ловят рыбу. Это нас не остановило, мы спустились по одной из лощин и вышли на длинный пляж, усеянный множеством окатанных морем камней с бахромой из зеленых водорослей. Пробираясь между камнями, мы внимательно изучали и лощины и море – разве угадаешь, где могут оказаться пингвины. Прошло

полчаса, а мы все еще ничего не заметили, если не считать нескольких чаек и бакланов. Я уже решил, что впервые в Новой Зеландии нам не повезло и мы не найдем искомого. Вдруг Стен, стоя на высоком камне, показал на море.

– Есть один! – торжествуя воскликнул он. – Плышет к берегу!

Мы с Брайеном живо взобрались к нему по скользкой грани.

– Точно, – самодовольно подтвердил Брайен. – Он выйдет на берег метрах в пятидесяти отсюда.

Я напряг зрение, но мои глаза не могли сравниться с глазами Брайена и Стена, пришлось прибегнуть к биноклю, да и то я различил лишь голову, которая на таком расстоянии напоминала пучок соломы, быстро скользящий к берегу.

Мы терпеливо подождали на камне, пока пингвин не достиг мелководья и не вышел на сушу в полусотне метров от нас, как и предсказывал Брайен. С типичным для пингвинов серьезным видом он зашлепал через пляж. По совету Стена мы дали ему подняться на бугор в устье лощины, прежде чем начинать погоню. Отлогий бугор представлял собой груды больших и малых камней, за которой начинались трава и кустарник. Я думал, что пингвин будет пробираться между камнями, – ничуть не бывало. Он постоял, собираясь с силами, потом одним прыжком вскочил на первый камень и остановился с торжествующим видом, покачиваясь, будто был под хмельком. Затем прикинул расстояние до следующего камня и снова прыгнул, уповая скорее на удачу, чем на точный расчет. Один за другим следовали лихие прыжки. Иногда пингвина подводил глазомер, и он, приземлившись на камне, расправлял крылья, судорожно пытаясь удержать равновесие, но в конце концов грациозно съезжал вниз и пропадал из виду. Немного погодя он вновь показывался и храбро карабкался вверх, чтобы повторить попытку. Мне абсолютно непонятно, почему пингвин избрал столь сложный и утомительный способ движения. Если бы он шел между камнями, то достиг бы цели куда скорее и без ущерба для собственного достоинства.

Желтоглазый ушел так далеко от моря, что теперь, хотя бы и заметил нас, не успел бы спастись бегством. Поэтому я быстро поднялся на бугор и сквозь кусты прополз на четвереньках туда, где, по моим расчетам, он должен был появиться. Здесь я распластался на траве, стараясь слиться с окружающей растительностью. Я надеялся засечь пингвина на макушке бугра, до которой от меня было метров шесть.

Не сводя глаз с заветной точки, я прикидывал, каким способом лучше всего поймать этого прыгуна, чтобы мы потом могли снять его крупным планом, и вдруг его голова высунулась из-за кочки в каких-нибудь полутора метрах от меня. Не знаю, кто из нас больше удивился. Пингвин, не веря своим глазам, уставился на меня, я таращился на него. Ведь я его видел только издали и совершенно не представлял себе, до чего он хорош. Перья на макушке – ярко-желтые, с поперечной черной полосой посередине; зеленовато-желтое пятно вокруг глаза переходило в полосу такого же цвета, опоясывающую всю голову; на коричневатом клюве – пепельно-голубые крапинки; глаза – лимонно-желтые.

Я замер неподвижно, в надежде, что желтоглазый примет меня за камень или куст, хотя шансов на это было очень мало. Пингвин подозрительно осмотрел меня, наклонил голову в одну, в другую сторону, как бы проверяя свое впечатление, и наконец решил, что я – какой-то не совсем обычный, но вполне безобидный кусок дерева. Последнее усилие – он выбрался наверх и остановился, взмахивая крыльями и часто дыша. Теперь было видно, что спина у него дымчато-голубая, а крылья черноватые, с красивой желтой каймой. Манишка сверкала такой чистой, незапятнанной белизной, что какой-нибудь фабрикант стиральных порошков не сдержал бы слез восторга при виде такого зрелища. Широкие плоские ноги розоватого цвета заканчивались на редкость большими коричневыми когтями, которые, насколько я мог понять, помогали пингвину передвигаться по камням. Постояв и отдышавшись, он повернулся и целеустремленно зашагал вразвалку вверх по лощине. Я бесшумно встал, несколькими прыжками

настиг его и схватил. Одной рукой я стиснул его шею сзади, полагая, что клюв дан желтоглазому не для украшения. Пингвин повернул голову, с ужасом воззрился на меня и испуганно пискнул. Ласково приговаривая что-то, я зажал под мышкой его тучное тело и, продолжая крепко держать шею, спустился на пляж к ожидавшим меня друзьям.

После того как все вдоволь повосхищались моим пленником и необходимые фотоснимки были сделаны, нужно было как-то поладить с пингвином, чтобы снять кадры для нашего фильма. Мы уже зафиксировали, как он выходил из моря и как поднимался на бугор, но издали; теперь нам хотелось запечатлеть его прыжки крупным планом. Совершенно неожиданно для нас пингвин не стал артачиться. Мы опустили его на песок в нескольких метрах от камней, и он сразу направился к ним. Минут пять мы снимали, как пингвин прыгал с камня на камень, и хотя ему, наверное, казалось, что он делает это с грацией серны, на самом деле он частенько оступался и шлепался на живот или же опрокидывался назад и, отчаянно махая крыльями, исчезал в какой-нибудь щели.

Отсняв требуемое, мы решили, что с нашей стороны было бы неблагородно заставлять пингвина заново проделывать столь трудное восхождение, поэтому я взял его на руки и отнес вглубь лощины, куда он первоначально направлялся. Здесь я посадил его на траву. Он вопросительно посмотрел на меня. Я шлепнул его раз-другой сзади, чтобы подбодрить; пингвин неуверенно сделал несколько шагов и опять оглянулся, как бы сомневаясь, стоит ли идти дальше: вдруг я брошусь вдогонку и снова его схвачу?! Но я стоял неподвижно, тогда желтоглазый, решив, что ему больше не грозят никакие неприятности, засеменил к зарослям, аккуратно переступая через кочки, и вскоре пропал из виду. Я глядел ему вслед и вопрошал себя, каким жестоким надо быть, чтобы убивать этих красивых и безобидных птиц или хотя бы разорять их гнезда. Одно меня утешало: здесь, в этом нетронутом уголке побережья с уходящими вглубь острова зелеными приветливыми лощинами пингвины в безопасности.

Мы вернулись в город, высадили Стена около его дома и поехали назад по той самой дороге, которая привела нас в Данидин. Нашей целью был Пиктон, порт в северной оконечности Южного острова; отсюда нам предстояло совершить экскурсию на острова Бразерс.

Благополучно добравшись до Пиктона, мы утром спустились на пристань и отыскали судно, которое должно было доставить нас на Бразерс. Нашим глазам предстал маленький неказистый катер с рулевой рубкой чуть побольше спичечной коробки. Джим, обвешанный аппаратами, словно рождественская елка игрушками, смотрел на эту скорлупку с явным беспокойством.

– Мы отправимся на этой калоше? – спросил он.

– Да. Тебе не нравится? Премилое суденышко, – сказала Джеки, и я заметил, как поморщился владелец катера.

– Очень уж маленькое, – сказал Джим. – И каюты нет.

– Нам всего-то час-другой идти. И зачем тебе каюта, скажи на милость?

– Но ведь куда-то надо же пойти, когда тебя начнет мутить, – с достоинством произнес Джим.

– А ты валяй через борт, – сказал бессердечный Крис.
– Лично я предпочитаю, чтобы это происходило не на глазах у людей, – возразил Джим.
– Тогда накрой голову пиджаком, – не унимался Крис.
– Шевелитесь, шевелитесь, пора трогаться, – поторопил нас Брайен, бегая взад и вперед с вещами.

Мы завершили погрузку аппаратуры и втиснулись сами. Капитан отдал швартовы, запустил мотор, и катер понесся по бухте Королевы Шарлотты. Шлюпка скакала и подпрыгивала в кильватере, словно игривый щенок, ловящий хвост матери.

Гладкие воды бухты напоминали голубое зеркало, в котором с обеих сторон отражалась череда холмов с жухлой, пожелтевшей растительностью. Мы устроились на крохотной носовой палубе и, нежась в лучах бледного солнца, высматривали птиц. Вот когда Брайену представился случай отличиться – феноменальное зрение позволяло ему заметить и опознать птицу задолго до того, как мы могли что-либо различить среди голубых бликов на шелковистой воде. К счастью, большинство попадавшихся нам птиц были сравнительно непуганые, и они подпустили нас довольно близко.

Первыми (и самыми многочисленными), кого мы увидели, были буревестники-ласточки – небольшие изящные птицы с черновато-коричневым верхом, белым низом и пепельно-серыми пятнами на голове. Буревестники плавали стайками по четыре-пять штук. Подпустив катер метров на пять, они снимались и летели стремительными зигзагами над самой водой, часто-часто работая крыльями; за этот полет их и называли ласточками. Мы решили постараться и заснять хорошие кадры с буревестниками, но в это время Брайен указал мне на какой-то странный округлый предмет на поверхности воды.

– Пингвин! – коротко бросил он.

Я недоверчиво взглянул на шар – ничего общего с известными мне птицами! Вдруг «мячик» повернулся, и я увидел, что из него торчит клюв. Это и в самом деле был пингвин, который плыл под водой, выставив наружу голову, будто перископ.

Катер подошел ближе, и мы различили в прозрачной воде тело птицы, а также работающие ноги и ласты. Сбылась моя давнишняя мечта; передо мной был малый пингвин, самый мелкий представитель этого своеобразного отряда. Рост этого толстяка менее полуметра; у него невообразимо белая, сверкающая манишка, а все остальное оперение чудесного синего цвета, который красиво оттеняется белой каймой на крыльях.

Обнаруженный нами пингвин вел себя скорее осторожно, чем робко. Он то подпустит катер метров на десять, то нырнет, рассекая толщу воды, словно торпеда, оставляя позади цепочку серебристых пузырьков, то уйдет вперед, а затем всплывет и лежит на поверхности, с любопытством обозревая нас, пока мы его опять не настигнем. Через некоторое время к нему присоединилось шесть или семь собратьев, и они несколько километров сопровождали нас, будто какой-нибудь почетный караул. Прелестные птицы; чем больше мы на них смотрели, тем сильнее они нам нравились. Правда, иногда их соседство действует на нервы, в чем нам вскоре пришлось убедиться.

Примерно через час хода мы обогнули мыс и увидели ворота бухты Королевы Шарлотты, а за ними простирался широкий пролив Кука. Голубая гладь переходила в ярко-синее с перебивками открытое море, расцвеченное пятнами и полосами белой пены.

– Похоже, нас ждет небольшая волна! – весело крикнул наш капитан.

При этих словах Джим, который до сих пор лежал на спине, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, сел и тревожно поглядел вперед.

– Силы небесные, – сказал он, – это мы туда пойдём?

– Меня беспокоит другое, – заметил Брайен. – Если волны большие, мы не сможем высадиться ни на Бразерс, ни на Уайт-Рокс!

– Меня это не беспокоит, – сказал Джим. – Ни капельки. Давайте повернем назад и снимем пингвинов.

– Ну что вы, разве это волна, – успокоил нас капитан.

В эту минуту мы пересекли демаркационную линию, отделяющую тихие воды залива от буйных вод пролива. И тотчас катер, словно пугливая лошадь, попытался встать на дыбы, и на нас обрушился каскад брызг. Мы поспешно покинули палубу и забились в рулевую рубку – все-таки какая-то защита.

– Это сумасшествие, это полнейшее безумие, – твердил Джим, силясь сохранить равновесие и уберечь от морской волны линзу кинокамеры.

– Дует самую малость, – с довольным видом сказал капитан. – Правда, из-за этого трудновато будет высадиться на Уайт-Рокс.

– А как мы будем высаживаться? – спросил Джим.

– На шлюпке, – ответил капитан.

Джим поглядел через корму назад – как раз в этот миг крохотная шлюпка на конце буксирного каната совершенно скрылась за очередной волной.

– Трудновато... – задумчиво произнес Джим. – Давненько не встречал я такого мастера преуменьшать.

Для того, кто привык ходить на малых судах, волнение было пустячным, но для человека с повышенной восприимчивостью к морской болезни это была настоящая буря. И все же я понимал капитана – если нет надежной якорной стоянки, в такую погоду и в самом деле будет нелегко высадиться на торчащую из воды почти отвесную скалу.

Вскоре сквозь побеленные солью иллюминаторы мы увидели Уайт-Рокс, и я воочию убедился, какие трудности нас ожидают. Над водой возвышалась средних размеров пирамида с шишковатой макушкой. Вверху камень казался белым от помета многочисленных поколений морских птиц, это придавало острову вид неумело выпеченного рождественского пирога, кое-как покрытого сахарной глазурью. Капитан обогнул остров и подошел со стороны моря к выемке, которую даже с натяжкой нельзя было назвать бухтой. Он сбавил ход до самого малого, а помощник подтянул к качающемуся катеру шлюпку. При таком волнении перейти в нее было непросто, а если еще нагрузиться хрупкой, но увесистой аппаратурой, требовалась поистине обезьянья ловкость. И когда Джим споткнулся, я решил было, что он сейчас ухнет в воду вниз головой и, увлекаемый тяжестью своего груза, пойдет ко дну.

Одного за другим нас – Криса, Джима, Брайена и меня – отвезли к подножию скалы и высадили на пляж размером не больше обеденного стола. Боюсь, что для пятого человека здесь уже не нашлось бы места.

Со слов Брайена мы знали, что королевские бакланы гнездятся на маленькой площадке на вершине Уайт-Рокс; чтобы попасть туда, надо было взобраться по скале, у которой мы стояли. Джим поглядел на почти вертикальную стенку и закатил глаза. Вообще-то, подъем оказался не таким уж сложным – ветер и дождь, источив поверхность скалы, понаделали в ней множество выемок и ступеней. Опасность заключалась в структуре породы – хрупкий камень крошился, словно сухой бисквит, его буквально можно было ломать голыми руками, поэтому каждую ступеньку приходилось проверять и дважды, и трижды. Риск усугублялся еще и тем, что ветер сыграл роль точильного камня и довел каждый выступ до остроты бритвенного лезвия.

С трудом мы одолели стенку, а когда добрались до верха, нас встретил такой сильный ветер, что мы едва не свалились в море вместе со всей аппаратурой. Вершина, за которую мы цеплялись, находилась примерно в полусотне метров над водой. Справа от нас нависала плита, напоминающая гроб; слева метров на семьдесят протянулся разрушенный гребень, который заканчивался довольно ровной площадкой размером пятнадцать на шесть метров. Там-то и разместилась колония королевских бакланов. На камне между гнездами сидело десятка два птиц. Едва мы высунули головы из-за края скалы, как птицы заковыляли к противоположному

краю, взлетели и закружили около нас. У каждой из них на спине светилось, словно автомобильные фары, по два белых круглых пятна. Описывая все более широкие круги, бакланы поднимались ввысь, пока не превратились в точки на фоне голубого неба. Брайен заверил нас, что они скоро вернуться, и Джим, который мигом оценил кинематографические возможности ситуации, выполз на гробоподобный выступ и улегся там, сколько ему ни твердили, что выступ может обломиться под его тяжестью и тогда лететь ему пятьдесят метров до самого моря. Таков Джим: он будет изо всех сил внушать вам, что он последний трус, а стоит ему взять в руки камеру, и он готов пойти на такой риск, что кровь стынет в жилах.

В ожидании бакланов мы съезжились на резком ветру, стараясь, елико возможно, слиться с камнем. Тем временем я навел бинокль на гнезда и принялся их разглядывать. Они были круглые, диаметром около полуметра и высотой примерно сантиметров двадцать, сделаны из растений и водорослей, слепленных пометом. Гнезда каждый год надстраиваются, поэтому некоторые из них заметно выше других. Уайт-Рокс, разумеется, лишен всякой растительности, он гол, как бильярдный шар, поэтому за строительным материалом птицам приходится летать на соседние островки. Перечень растений, используемых бакланами для гнезд, кажется заимствованным у Льюиса Кэрролла: ветки таупаты, цинготная трава и мезембриантемум.

Бакланы не спешили возвращаться, и Брайен встревожился – погода явно ухудшалась, и перед нами возникла дилемма: либо отправиться восвояси, ничего не засняв, либо махнуть рукой на то, что катер может уйти, и остаться на необитаемом острове. Последняя перспектива нам вовсе не улыбалась, ибо даже самый закаленный спартанец вряд ли согласился бы провести ночь на Уайт-Рокс. Но тут мы увидели кружащих в небе бакланов. На фоне темного оперения отчетливо выделялись ослепительно-белые пятна «фар». Бакланы опускались все ниже, наконец один, самый храбрый, спикировал и сел подле гнезд. Его пример ободрил остальных, и через несколько минут вся стая присоединилась к храбрецу.

Камера Джима жужжала вовсю, а я тем временем наблюдал птиц в бинокль. Они были величиной с европейскую олушу, но с типичной для бакланов вертикальной посадкой. Спина очень красивого сине-зеленого цвета с металлическим отливом, манишка белая; кожа в основании клюва и вокруг глаз ярко-оранжевая и голубая. Взмахивая крыльями, бакланы ходили вразвалку между гнездами и подкладывали в них кусочки водорослей, причем не стеснялись воровать строительный материал у соседей, стоило тем засмотреться. Один рослый птенец, еще не сменивший своего серенького «юношеского» оперения, кружил по гнезду за матерью и назойливо выпрашивал у нее корм, разинув клюв и часто хлопая крыльями. Наконец мамаша, утомленная преследованием, остановилась и распахнула клюв; с радостным пронзительным криком птенец буквально нырнул ей в горло, так что вся голова и часть шеи исчезли в глотке родительницы. При этом он так отчаянно бил крыльями, что она с трудом сохраняла равновесие. Казалось, птенец вознамерился выпотрошить свою мать. Наконец, когда она, видимо, отпрыгнула все, что было у нее в запасе, он неохотно выдернул голову обратно и сел, шелкая клювом и удовлетворенно попискивая и побряхтывая. Мамаша с явным облегчением отошла в сторону, выдернула из соседнего гнезда клок водорослей, чтобы отвести душу, и принялась ремонтировать свою обитель.

Ветер все крепчал, и далеко внизу было видно, как подпрыгивает и качается на волнах наш катер, круживший около острова. Все, что требовалось, было заснять, и благоразумие подсказывало нам покинуть Уайт-Рокс, пока это еще в наших силах. Спуск оказался куда рискованнее, чем подъем, однако мы благополучно достигли крохотного пляжа – исцарапанные и обессиленные, но невредимые. Когда мы погрузились на катер и пошли от острова, несколько бакланов снялись со скалы, пролетели над нами, сделали вираж и вернулись к гнездовью. Я спрашивал себя, сколько еще просуществуют эти чудесные морские птицы, ведь во всем мире есть только два гнездовья королевских бакланов, причем Уайт-Рокс вряд ли можно назвать желанной обителью – каждый год прожорливые стихии отгрызают еще один кусочек острова.

К тому же в Новой Зеландии среди различных видов бакланов есть и такие, которые, по словам рыбаков, наносят ущерб рыболовному промыслу, а потому их разрешено отстреливать в определенных районах, и один из этих районов находится как раз по соседству с Уайт-Рокс. Обыкновенный рыбак, не натуралист, не больно-то разбирается, какой баклан королевский, а какой нет, да его это меньше всего интересует. Он знает, что все бакланы едят рыбу, значит их надо стрелять, так что будущее королевского баклана по меньшей мере неопределенно.

Примерно через полчаса хода мы сквозь забрызганные пеной иллюминаторы рулевой рубки увидели на горизонте два каменных горба, один побольше, другой поменьше, вроде верблюжьих. Я вышел на палубу и поглядел в бинокль на нашу цель. Меньший горб оказался попросту голой, безжизненной глыбой, только белая оборка прибора несколько оживляла картину; зато на втором я рассмотрел какую-то растительность, и на краю острова вырисовывались очертания маяка. Так вот они, Бразерс, где (если мы сможем высадиться) я увижу рептилию, известную под именем *Sphenodon punctatus*, или туатара! Брайен заблаговременно запросил телеграммой Алена Райта, который вместе с двумя товарищами обслуживал маяк, не смогут ли они приютить нас дня на два, а также не возьмется ли Алэн поймать для нас пару туатар. Вторая просьба объяснялась тем, что наш визит в Новую Зеландию, в общем-то, подходил к концу и мы могли посвятить островам Бразерс не больше двух дней, поэтому нам вовсе не хотелось тратить драгоценное время, гоняясь с кинокамерой за юркими туатарами. В ответ пришла телеграмма, гласящая, что Алэн Райт готов нас приютить и постарается что-нибудь сделать с туатарами и не может ли Брайен поставить за него десятку за и против рысака по имени Бурное Веселье, чьи шансы на победу в предстоящих бегах оценивались соотношением сто к одному. Брайен остался вполне доволен ответом Алена, я же воспринял несерьезный тон послания как дурное предзнаменование. Однако нам оставалось только ждать, как все обернется.

Подойдя поближе к «старшему брату», мы увидели вздымающиеся из моря отвесные скалы высотой до семидесяти метров. На площадке возле обрыва примостился маленький кран, похожий, как и все краны, на сюрреалистского жирафа. Катер направился к подножию скалы, и мы разглядели вверху возле крана группу из трех человек. Они как-то рассеянно помахали нам, мы помахали в ответ.

– Насколько я понимаю, этим краном на остров поднимают грузы? – спросил я Брайена.

– Этим краном на остров поднимают все, – сказал он.

– Все? – переспросил Джим. – Что вы имеете в виду?

– Если вы хотите попасть на остров, придется воспользоваться краном. Правда, снизу наверх ведет тропа, но в такую волну на берег не высадишься. Ничего, сейчас спустят сеть и в два счета вас поднимут.

– Как вы сказали – нас втащат на эту скалу сетью? – удивился Джим.

– Вот именно, – ответил Брайен.

В эту секунду капитан сбавил ход, и катер лег в дрейф, качаясь на зелено-голубых валах метрах в семи-восьми от зазубренных камней, на которые накатывался белопенный прибор. Высоко над головой у нас показалась стрела крана, а под ней на крайнем непрочном с виду тросе болталась сеть, похожая на огромный мелкий сачок. Кран заскрипел, заскрежетал, завизжал, так что было слышно даже сквозь гул ветра и прибора, и сеть пошла вниз. Джим обратил на меня взгляд, исполненный муки, и, должен сказать, я ему сочувствовал. Я не переношу высоты, так что мне тоже не улыбалось совершить подъем на скалу в сетке, подвешенной к крану, который к тому же, судя по звуку, изрядно одряхлел и много лет не видел смазки. Кутаясь в теплые пальто, Крис, как никогда похожий на недовольного герцога Веллингтона, развил бурную организаторскую деятельность, причем глаза его горели одержимостью точно так же, как глаза Брайена в подобных ситуациях.

– Вот что, Джим, ты отправишься первым и установишь камеру рядом с краном, чтобы заснять Джерри и Джеки, когда их втащат наверх, – распорядился он. – Затем поднимусь я и сниму из сети катер, а за мной с остальной аппаратурой последуют Джерри и Джеки. Идет?

– Нет, – ответил Джим. – С какой стати я должен быть первым? Представь себе, что эта штука сломается, когда я буду у самой цели. Ты успел рассмотреть камни там, внизу?

– Если сломается, тем лучше, мы будем знать, что кран ненадежный, и отправимся обратно в Пиктон, – сказала Джеки.

Джим испепелил ее взглядом и неохотно ступил на сеть, которая уже опустилась на крохотную палубу. Капитан помахал рукой, послышался ужасающий скрежет терзаемого металла, и наш оператор, отчаянно цепляясь за ячею, медленно вознесся вверх вместе с непрерывно вращающейся сетью.

– А вдруг его одолеет морская болезнь? – осведомилась Джеки.

– Как пить дать одолеет, – безжалостно ответил Крис. – Насколько мне известно, он везде болеет морской болезнью: в поезде, в машине, в самолете. Значит, и здесь она его не минует.

Половина подъема была уже позади, а сеть не переставала вращаться, и через ячею мы могли видеть побелевшее лицо Джима.

– Мы все с ума сошли! – донесся до нас его голос сквозь шум прибоя и адский скрежет крана. Джим кричал еще какие-то оскорбительные слова, но тут сеть исчезла за краем скалы.

Немного погодя она появилась вновь и легла на палубу; теперь в нее с видом стойка шагнул Крис. Он просунул свой нос и линзу кинокамеры в ячею и, едва сеть оторвалась от палубы, принялся снимать. Трос увлекал его все выше и выше, съемка продолжалась, но вдруг, посередине между катером и краном, сеть остановилась. Мы с тревогой смотрели на нее, но прошло минут пять, а Крис висел на том же месте, описывая вместе с сетью все меньшие круги.

– Как по-твоему, что случилось? – спросила Джеки.

– Не знаю. Может, Джим заклинил лебедку, чтобы отомстить Крису.

Не успел я договорить, как кран снова заработал, Крис возобновил свой величавый полет и скрылся вверху. Уже потом мы узнали, что Джим поставил треногу с камерой на самом ходу, где они мешали повернуть стрелу, а так как Ален Райт решил, что оператору нужна именно эта точка, он предоставил Крису болтаться в воздухе. Лишь когда Джим отошел от камеры, выбрал камень поудобнее, сел, вытащил из кармана плитку шоколада и принялся уплетать, Ален сообразил, что напрасно заставил Крису парить в воздухе, словно сказочную фею. Треногу отодвинули, и Крис ступил на площадку, громогласно требуя объяснить, почему его так долго держали в подвешенном состоянии между небом и землей.

Сеть еще раз отправилась вниз, мы погрузили аппаратуру и неохотно заняли места.

– Вот увидишь, мне это не доставит ни малейшего удовольствия, – убежденно сказала Джеки.

– Если станет страшно, закрой глаза.

– Дело даже не в высоте, – объяснила она, глядя вверх. – Меня смущает этот трос.

– А что тут смущаться, – бодро сказал я. – Ведь он не первый год поднимает грузы.

– Это-то меня и пугает, – мрачно произнесла она.

– Ну, теперь уже поздно, – философски заключил я.

В ту же минуту послышался ледяной вой лебедки, и мы понеслись вверх со скоростью современного лифта. Из-за широкой ячеи у нас было неприятное чувство, будто мы летим в воздухе без всякой опоры. Кружась вместе с сетью, мы видели, как внизу на острые камни обрушиваются волны. Катер был словно игрушечный, а вершина скалы казалась намного выше Эвереста. Но вот мы достигли края, стрела повернулась и бесцеремонно швырнула нас на камни.

Мы выкарабкались из сети и выгрузили аппаратуру; в это время к нам подошел оператор крана – рыжеволосый, веснушчатый, с яркими голубыми глазами.

– Ален Райт, – представился он. – Рад познакомиться.

– Были минуты, – сказал я, поглядывая на кран, – когда я сомневался, что наше знакомство состоится.

– Ну что вы, – рассмеялся Ален, – на него вполне можно положиться. Немножко мяукает, когда его нагрузишь, а так ничего.

Заключительную часть пути до маяка наши вещи проделали на своеобразной длинной тележке, которую тянула вверх по склону лебедка с тросом. Мои товарищи пошли пешком, а мне захотелось прокатиться, и я уселся на камеры. Где-то на полпути, оглянувшись назад, я вдруг сообразил, что этот способ передвижения, в общем-то, так же опасен, как подъем в сети. Ведь если лопнет трос, тележка под действием груза покатится назад по рельсам и вымахнет со скалы в воздух, словно ракета. Я облегченно вздохнул, когда мой экипаж остановился возле маяка.

Как только аппаратура была благополучно сложена в деревянном домике, призванном служить нам и жильем и складом, я нетерпеливо обратился к Алену:

– Скажите, вам удалось поймать для нас туатару?

– Конечно, – небрежным тоном ответил он. – Все в порядке.

– Чудесно, – произнес я с воодушевлением. – Можно на нее посмотреть?

Ален лукаво поглядел на меня:

– Конечно. Пошли.

Он отвел Джеки, Криса и меня к маленькому сараю, который стоял неподалеку от нашего домика, отпер дверь и распахнул ее.

На мою долю выпадали всякие зоологические сюрпризы, но я сейчас не припомню случая, чтобы я был так ошеломлен, как в тот раз, когда заглянул внутрь сарайчика на Бразерс. Я приготовился увидеть одну туатару, а на самом деле весь пол был буквально вымощен рептилиями. Тут были и прадедушки на полметра, и младенцы длиной сантиметров пятнадцать. Ален посмотрел на мое лицо, на котором восторг смешался с недоверием, и подумал было, что я в ужасе.

– Надеюсь, я не перестарался, – тревожно сказал он. – Но ведь вы не сказали, какие туатары вам нужны и сколько, поэтому я решил наловить всяких.

– Дружище, – вымолвил я чуть слышно, – вы не могли доставить мне большей радости. Я говорил себе – дай бог увидеть хотя бы одну туатару, а вы раздобыли мне целый легион. Просто невероятно. Долго вы их ловили?

– Да что вы, – ответил Ален. – Вчера вечером всех и поймал. Я откладывал до последней минуты, чтобы не держать их слишком долго в неволе. Надеюсь, вам хватит для ваших съемок?

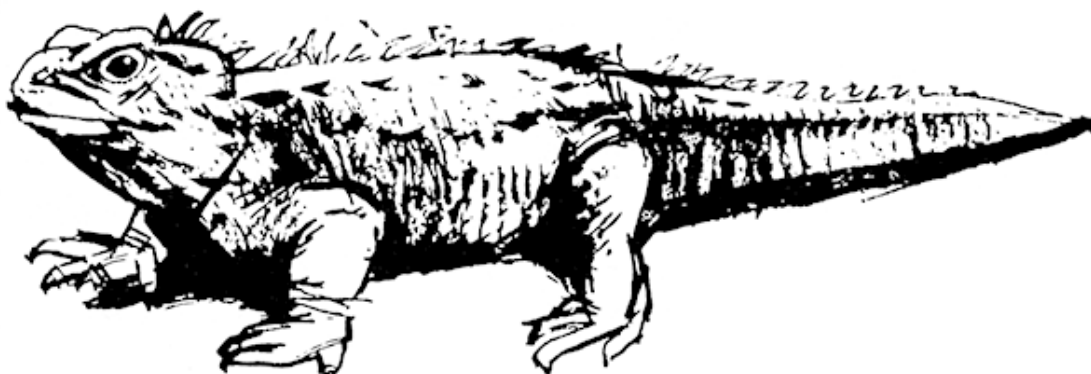
– А сколько их тут всего? – спросил Крис.

– Да штук тридцать наберется, – сказал Ален.

– Что ж... Постараемся, на худой конец, обойтись тремя десятками, – милостиво заключил Крис.

Мы вернулись к маяку ликующие, а после отличного ланча вновь отправились к туатарам, чтобы отобрать будущих звезд. Удивительно интересно было сидеть в полутьме, на корточках, среди любопытствующих рептилий. Все детеныши были ровного шоколадно-коричневого цвета – защитная окраска, которую они сохраняют, пока не вырастут. Но больше всего меня поразила окраска взрослых туатар. До сих пор мне приходилось видеть туатар только в зоопарках, где они содержатся в павильонах с температурой, не превышающей 27–30 градусов, – такая температура абсолютно не подходит несчастным узникам, которые с горя становятся бурыми. А теперь передо мной были только что отловленные экземпляры, и они выглядели так, как положено выглядеть туатарам. Мне они показались прекрасными. Основная окраска кожи зеленовато-бурая, с серовато-зелеными и зеленовато-желтыми пятнами и полосами. Вдоль спины от головы до основания хвоста тянется гребень (причем у самца он шире и

выше, чем у самки), он состоит из маленьких треугольников белой кожи, плотностью напоминающих толстую бумагу. Хвост украшают твердые шипы такой же формы, но если они по цвету не отличаются от хвоста, то гребень будто только что прошел отбелилку. Самцов отличает тяжелая, царственная голова и огромные черные глаза – настолько большие, что они напоминают совиные. Поразмыслив, мы выбрали трех туатар: великолепного самца, бойкую самку с четкой раскраской и детеныша. Всех остальных мы пока надежно заперли – прежде всего потому, что до ночи их нельзя было выпускать, а кроме того, не мешало иметь дублеров на тот случай, если какая-нибудь из «звезд» удерет во время съемок. Правда, наши опасения не оправдались, туатары отлично себя вели перед камерой и делали все, что от них требовалось.

Для человека непосвященного туатара – попросту крупная, внушительного вида ящерица; на самом же деле – и этим объясняется, почему натуралисты вроде меня не могут равнодушно смотреть на нее, – туатара вовсе не ящерица. Своим строением она настолько отличается от ящериц, что, когда туатару открыли, для нее учредили особый подкласс *Rhynchocephalia*, что означает «клювоголовые». А вскоре выяснилось к тому же, что туатара – настоящее, *живое* доисторическое чудовище, последний представитель некогда широко распространенной группы, обитавшей в Азии, Африке, Северной Америке и даже Европе. Большинство найденных скелетов относится к триасовому периоду, им около двухсот миллионов лет, и по ним можно судить о необыкновенном сходстве клювоголовых той поры и нынешних туатар. Столько лет оставаться практически неизменным – назовите мне другого такого консерватора! Многих поражает еще и то, что у этого красивого животного есть «третий глаз», помещающийся на темени между двумя настоящими глазами, но как раз эта особенность вовсе не так примечательна, чтобы о ней стоило столько говорить, ведь теменной глаз можно найти у многих ящериц, да и у других животных тоже.

У детеныша туатары, только что вылупившегося из яйца, рыло заканчивается своеобразным «клювом» (который помогает разорвать напоминающую пергамент скорлупу) и теменной глаз виден совершенно отчетливо. Он представляет собой голое пятнышко, окруженное чешуями, которые расположены подобно цветочным лепесткам. Со временем «третий глаз» зарастает чешуей, и у взрослых туатар его уже не разглядеть. Исследователи неоднократно пытались выяснить, есть ли туатаре какая-нибудь польза от теменного глаза. На него воздействовали лучами разной частоты, проверяли, воспринимает ли он тепло, но все результаты оказались отрицательными. Так и живет туатара со своими тремя глазами, ставящими в тупик биологов, живет на радость тем натуралистам, которым посчастливится ее увидеть. Прежде эти рептилии встречались и на двух главных островах Новой Зеландии, но там их давно истребили, и теперь их осталось совсем немного на некоторых островках в прибрежной полосе (таких, как Бразерс), где они охраняются государством – мера вполне оправданная.

Съемки закончились к закату, и тут совершенно неожиданно для себя мы обнаружили, что Бразерс – это не просто полуголые каменные глыбы, населенные одними лишь смотрителями маяка да туатарами. Откуда-то появились стаи пингвинов и запрыгали вверх по скале к своим норам, время от времени останавливаясь, чтобы запрокинуть голову и издать громкий крик, похожий на рев маленького, но на редкость восторженного осла. Потом начали слетаться похожие на ласточек изящные маленькие качурки. Любопытно, что туатары наладили своеобразное сожительство с этими птицами: качурки роют себе норы, чтобы откладывать яйца, а туатары вселяются в эти норы и живут там, по всем признакам, в полном согласии с хозяевами. Дело в том, что большую часть дня качурка проводит в море, охотясь за планктонными рачками, нора ей нужна только ночью, во всяком случае, пока она не насиживает яиц. А туатары выходят на охоту по ночам, когда они ловят жуков, сверчков и прочих насекомых. Вот и получается, что, когда качурки (дневная смена) на закате летят домой, туатары (ночная смена) как раз покидают квартиру. Похвальное сосуществование, хотя и несколько странное. Туатары вполне способны сами вырыть себе нору (и они это часто делают), однако качурки, по-видимому, нисколько не возражают против жильцов. Правда, еще не выяснено, как туатары относятся к яйцам и птенцам качурки, но я не удивлюсь, если окажется, что они их едят, – рептилии не очень-то совестливы.

Итак, едва солнце коснулось горизонта, как на берег стали выходить отряды пингвинов; в воздухе призрачными тенями заскользили качурки, которые садились среди низкой поросли и как-то неуклюже, по-стрижиному забирались в свои норы. Исчезнув в подземелье, они начинали переговариваться, наполняя воздух отрывистым храпом, писком и голубиным воркованьем. Норы находились довольно близко друг от друга, поэтому мы слышали двадцать-тридцать бесед одновременно. А так как весь этот гам сливался с ревом пингвинов, нам казалось, что земля дрожит у нас под ногами. Разумеется, ближние голоса звучали особенно громко, но если хорошенько прислушаться, было слышно, что весь остров, подобно огромной арфе, гудит от неумолчного подземного хора.

Наконец солнце скрылось за морем, небо стало кроваво-красным, но красный цвет быстро сменился черным с бесчисленными крапинками звезд, и бдительный желтый луч маяка начал свое медленное вращение. После сытного ужина, усталые, но довольные, мы направились к своему домику. Пока мои товарищи разбирались, кому где спать, я взял фонарик и пошел прогуляться к обрыву. Качурки и пингины продолжали кричать с неослабевающей энергией. Вдруг луч моего фонарика упал на туатара. Здоровенный самец с гордо торчащим белым гребнем вдоль спины смотрел на меня своими огромными глазами, приподняв могучую голову. Я сразу выключил фонарик, потому что его вполне можно было наблюдать при свете луны. Несколько минут он оставался неподвижным, потом медленно, с великим достоинством зашагал вперед через кусты. Земля дрожала от чириканья, рева, писка и храпа птиц, а он шел по своему лунному царству, величественный, словно дракон. Вот он снова остановился, надменно посмотрел на меня (впрочем, не так уж и надменно, потому что природа снабдила туатара «улыбающимся» ртом) и исчез в кустах.

Я вяло побрел назад в домик; мои друзья уже свернулись калачиком на раскладушках.

– А, это ты, Джерри! – Джим высунул голову из-под кучи одеял. – Ты, кажется, увлекаешься птицами? Тогда тебя, верно, обрадует, что под нами живут соседи – пара пингвинов.

Не успел он договорить, как у меня под ногами раздался хриплый рев, да такой, что разговаривать было невозможно. И не будь мы такими усталыми, спать тоже было бы невозможно, потому что всю ночь напролет, через каждые пять минут пингины голосили свои песни. Ничего, сказал я себе, накрывая голову подушкой, можно стерпеть и не такое ради того, чтобы увидеть, как туатара с полным пренебрежением к человеку шествует по острову – своему острову.

Ш

Птица, которая исчезала

А долина все ўже и ўже...

А вечер все холодней и темней...

«Охота Ворчуна»

В 1948 году в Новой Зеландии было сделано открытие, которое потрясло мир орнитологов и пробудило его от обычной спячки, а именно была открыта (точнее, вновь открыта) птица, исчезнувшая с лица земли, птица, которую вот уже пятьдесят лет считали вымершей. Имя этой птицы – ноторнис, или такахе (*Notornis mantelli*), а ее история – одна из самых увлекательных в анналах орнитологии.

Впервые такахе обнаружили в прошлом веке, и это событие взбудоражило самых уравновешенных натуралистов той поры. Маори хорошо знали эту птицу; правда, на Северном острове она была известна только по находкам костей. На Южном острове, рассказывали маори, особенно по берегам двух больших ледниковых озер Те-Анау и Манапури, водилось много такахе, так много, что маори устраивали ежегодную охоту на них зимой, когда снегопад вынуждал птиц спускаться с гор в поисках пищи. Ко времени прибытия европейцев в этих районах можно было найти также одни лишь кости. Однако в 1849 году на острове Резолюшн в проливе Даски отряд зверобоев впервые поймал живую такахе, и ловцы поступили с ней так, как обычно поступают в таких случаях люди: они ее съели. Через два года поймали еще одну такахе, которую, вероятно, постигла та же участь, но, к счастью, шкурки обеих птиц были приобретены неким Мэнтеллом, и он отправил их в лондонский Музей естественной истории. Затем такахе на двадцать восемь лет исчезла столь же таинственно, как появилась, и только в 1879 году поблизости от озера Те-Анау опять поймали одну птицу, а в 1898 году в этом же районе одну такахе поймала собака. После этого стало похоже, что такахе, подобно другой знаменитой нелетающей птице – додо (дронту), окончательно вымерла, ибо прошло полвека, а ее больше никто не встречал.

Однако нашелся ученый, по фамилии Дж. Б. Орбелл, который не верил, что такахе разделила судьбу дронта, и в 1948 году он отправился ее искать. Для поисков он избрал древнюю ледниковую долину высоко в горах западнее озера Те-Анау. Экспедицию Орбелла нельзя назвать удачной, ибо он, хотя и видел какие-то следы и слышал необычные птичьи крики, не смог обнаружить никаких доказательств существования такахе. Нимало этим не обескураженный, доктор Орбелл через семь месяцев вернулся в ту же долину и на сей раз нашел небольшую колонию неуловимых птиц. Каждый натуралист мечтает о таком открытии, но только одному из миллиона удастся его сделать, так что я отлично представляю себе радость Орбелла, когда он впервые увидел настоящую, живую такахе, – и завидую ему. Разумеется, газеты всех стран на следующий же день возвестили о редкостной находке, и правительство Новой Зеландии, опасаясь нашествия в маленькую долину экскурсантов, орнитологов и прочих странников, способных распугать птиц, с похвальной оперативностью поспешило объявить весь район площадью около двух тысяч квадратных километров заповедником. Заповедник был закрыт для всех, кроме официально командированных ученых и натуралистов, да и их визиты контролировались правительством и Управлением природных ресурсов. Теперь такахе (а их численность примерно определяли всего в тридцать – пятьдесят штук) могли наконец жить спокойно.

Сразу по приезде в Веллингтон я познакомился с биологом Гордоном Уильямсом, который работал в новозеландском Управлении природных ресурсов, когда была вновь открыта

такахе. Он рассказал мне вторую половину истории, и она показалась мне еще примечательнее, чем первая.

Несмотря на то что район объявили заповедным и закрыли доступ для посторонних лиц, птицы отнюдь не были застрахованы от опасностей в своей уединенной долине. Прежде всего, их было так мало, что неожиданное вторжение завезенных в страну ласок, опоссумов и горностаев могло привести к полному истреблению такахе. Не менее губительным могло стать вторжение также завезенных оленей, которые губят деревья и тем самым изменяют среду обитания птиц. Вот вам еще один пример, когда исконной новозеландской птице угрожали завезенные животные. Организовать патрулирование и следить, чтобы олени, опоссумы или хищники не проникли в долину, конечно, было невозможно, поэтому оставался только один способ защитить птиц: попытаться создать питомник такахе, но это было не так просто, как может показаться на первый взгляд. Для эксперимента требовался район, похожий на долину Такахе; далее нужно было привлечь на свою сторону общественность, ибо множество доброжелательных людей, которые, естественно, не в состоянии были охватить всей проблемы в целом и не понимали, какая опасность угрожает вновь открытой птице, выступали против «заточения такахе в клетки». На горе Брюса, километрах в ста тридцати от Веллингтона подыскали вполне подходящий район – так была решена первая задача. И общественность удалось в конце концов убедить, что все это делается только для блага самих птиц. Операция «Такахе» была утверждена.

А затем, рассказывал нам Гордон Уильямс, началось самое трудное. В те дни был только один способ попасть в долину: преодолевая всевозможные препятствия, карабкаться с берега Те-Анау вверх по крутым лесистым склонам до узкой расщелины на высоте семисот пятидесяти метров, через которую входят в долину. Это было достаточно трудно (в чем смогли убедиться предыдущие экспедиции), даже если вы намеревались просто снять фильм или собрать кое-какие научные данные; но забраться наверх, поймать живых такахе и снести их вниз – подобная задача привела бы в смятение самого искушенного зверолова. При таких трудностях было очевидно, что о поимке и транспортировке взрослых птиц говорить не приходится: ведь доставить что-нибудь в долину или из долины можно было только выюком, а взрослые птицы вряд ли вынесли бы такое путешествие. Оставался один выход – добыть птенцов. Но это решение автоматически породило тьму новых проблем. Прежде всего птенцам нужна приемная мать. Казалось бы, для этой роли лучше всего подходит всем известная курица-бентамка. Однако даже самая флегматичная бентамка вряд ли посмотрит милостиво на то, что ей сунут под крыло птенцов такахе и велят их греть. Значит, нужно найти яйца такахе и подложить их наседке. Но кто-то возразил, что самая кроткая и чадолюбивая курица не усидит на яйцах, если ее будет швырять и трясти всю дорогу. Авторы операции «Такахе» совсем приуныли; казалось, что такахе невозможно вырчить. И тут кому-то (подозреваю, что самому Уильямсу, уж очень он болел душой за этот план) пришло в голову подвергнуть кур психологической обработке, иначе говоря, научить их при любых обстоятельствах, что бы ни случилось, колеблительно сидеть на яйцах. Надежд на успех было мало, но почему не попробовать? И вот был произведен тщательный отбор; из целой сотни кур выбрали несколько штук, которых отличала либо полнейшая тупость, либо предельная флегматичность, и принялись тренировать их так, словно речь шла о будущих десантниках. В картонные коробки положили для насиживания по несколько яиц на каждую курицу. Наседки заняли свои места, после чего их начали подвергать всевозможным толчкам, какие только могли им грозить на пути в долину и обратно. Коробки трясли, роняли, возили на машинах по ухабистым дорогам, перевозили в поездах, на быстроходных катерах и самолетах. Постепенно менее устойчивые натуры начали сдавать и покидать яйца, и к концу испытания осталось всего три наседки. Из них отобрали одну – по той простой причине, что коробку, в которой она насиживала яйца, сбросило веткой с крыши машины на землю вместе со всем содержимым (элемент тренировки, не предусмотренный программой); коробка прокатилась несколько метров по земле и остановилась вверх дном, а когда ее открыли, курица

по-прежнему с мрачной решимостью насиживала яйца, причем ни одно из них не разбилось, – очевидно, наседка своим телом защитила их от удара. Послушная долгу бентамка стала самым важным участником экспедиции, проводившей операцию «Такахе».

Представляю себе, скольких нервов стоила эта операция ее исполнителям. Примерное поведение курицы внизу отнюдь не означало, что она поведет себя так же в горах, а члены экспедиции отлично сознавали, что неудача повлечет за собой протесты сентиментально настроенной общественности и о повторной попытке нечего и мечтать. К счастью, все обошлось как нельзя лучше. Были собраны яйца такахе, курица плотно уселась на них, и, выждав на всякий случай день-другой, отряд приступил к трудному спуску вниз по коварному склону к озеру Те-Анау. Здесь их ждал быстроходный катер, который мигом домчал драгоценный груз до ближайшей дороги, затем курицу и яйца погрузили на машину и живо отвезли в Пиктон, из Пиктона самолет доставил их в Веллингтон; новый бросок на машине – и верная наседка вместе с яйцами наконец-то благополучно прибыла в заповедник на горе Брюса.

После этого героического, исполненного треволнений путешествия членам экспедиции оставалось только выжидать и молить бога, чтобы яйца не оказались болтунами. Но в положенный срок вылупились два птенца, и ученые вместе с курицей начали даже слегка гордиться. Ведь они все-таки добились успеха.

Однако тут совсем некстати возникло новое препятствие. Приемная мать, разумеется, обращалась с птенцами, словно с цыплятами. Она водила их за собой, энергично рыла землю и клевала добытое, простодушно считая, что детки последуют ее примеру, но птенцы такахе – не цыплята, они растерянно ходили за курицей, пищали от голода, а куриного способа есть никак не могли усвоить. Стало ясно, что мамыши такахе сами кормят птенцов, а не учат их добывать пищу, как это делает курица. Причем кормить птенцов оказалось совсем не просто, поскольку выяснилось, что малыши такахе не разевают клюва, как обычные птенцы: мать держит добычу в клюве, а птенец берет ее сбоку. В конце концов удалось придумать способ: мясных мух и другие лакомства накалывали на острое карандаша и скармливали птенцам. Благодаря этому способу кормления и материнской заботе бентамки, которая согревала их по ночам, птенцы такахе благополучно росли и процветали.

Не говоря уже о том, что речь шла о чрезвычайно редкой птице, эта история сама по себе не могла не вызвать у нас желания увидеть живую такахе в естественной среде, и как только мы прибыли в Веллингтон, я запросил разрешение посетить долину, разумеется вместе с Брайеном – чтобы гарантировать, что мы не украдем яиц и не унесем под полую парочку такахе. Наконец разрешение было дано, и мы отправились на озеро Те-Анау.

Я уже говорил, что прежде до долины добирались только пешком, но теперь налажено сравнительно удобное сообщение. Вы садитесь на Те-Анау в маленький гидроплан, он поднимает вас на шестьсот с лишним метров и садится на озерко, которое занимает большую часть долины. Брайен заказал самолет, но надо было сутки ждать, поэтому мы сняли номера в роскошном государственном отеле на берегу Те-Анау и насладились великолепной кухней, превосходными винами и первоклассным сервисом. После скверных новозеландских отелей, с которыми мы сталкивались до сих пор, эта гостиница нам особенно понравилась.

– Пользуйтесь случаем, – сказал Брайен, прислушиваясь к тому, как я втолковываю метрдотелю, какая марка шатобриана мне нужна. – Там наверху нас ждут суровые условия.

Я внял его предупреждению и вместо двух бутылок вина заказал три.

Утро преподнесло нам два неприятных сюрприза. Во-первых, выяснилось, что домик в долине Такахе занят охотниками и, следовательно, для Джеки не найдется места; во-вторых, было похоже, что мы вообще не сможем вылететь: над Те-Анау нависли черные тучи, и видимость никак не подходила для полетов в такой местности. Все утро мы мерили шагами берег озера, проклиная погоду. К полудню небо несколько прояснилось, однако доверия по-преж-

нему не внушало. Но тут появился Брайен, который все это время держал связь с летной базой. Лицо его озаряла довольная улыбка.

– Пошли, – сказал он. – Живо несите снаряжение на пристань. Они прилетят за нами через полчаса.

– Превосходно! – воскликнул Крис. – А погода подходящая?

– Не очень-то, – беззаботно ответил Брайен. – Но они говорят, лучше рискнуть сейчас, чем ждать, когда облачность увеличится настолько, что в долину вообще нельзя будет проникнуть. Летчик считает, что справится.

– Прелестная перспектива! – с воодушевлением произнес Джим, обращаясь к Джеки. – Ты не жалеешь, дорогая, что не можешь лететь с нами? Вознестись в облака в поисках долины, которую все равно не рассмотришь, а когда доберешься туда, искать птицу, которой тоже не разглядишь? Все наше путешествие с самого начала – это сплошные радости и удовольствия. Я бы не променял его ни на что на свете.

Мы отнесли снаряжение на причал, и тут Брайен вдруг объявил, что гидроплан очень маленький и может взять только двоих пассажиров.

– Ладно, – сказал Крис. – Ты, Джим, забираешь аппаратуру и отправляешься первым...

– Почему это всегда я? – возмутился Джим. – Неужели нет других добровольцев?

– Постарайся побольше снять в полете, – продолжал Крис, пропустив мимо ушей его негодующую реплику, – а там установишь камеру и заснимишь наш прилет.

– А если они забросят меня туда, а потом застрянут здесь? – спросил Джим. – Что тогда? Я один в глухой долине, полной свирепых птиц... ни еды... ни товарищей... а когда-нибудь, лет через десять, вы забредете туда и отыщете в тумане мой белый скелет... старина Джим, скажете вы... ведь ничего был парень... пожалуй, стоит послать открытку его жене. Изверги бесчувственные!

– Не унывай, Джим, – утешила его Джеки. – Если ты отправишься вперед с вещами, в твоих руках будет виски, который припас Джерри.

– О! – Джим сразу просиял. – Это совсем другое дело. Было бы что поесть, тогда я могу и подождать немного.

Вскоре послышалось какое-то, я бы сказал, брюзгливое жужжание, показался гидроплан и пошел вниз, всем своим видом и гудением напоминая рассерженную стрекозу. Он плавно сел на воду, развернулся и медленно приблизился к причалу. Мы принялись грузить снаряжение, а Джим тем временем выяснил у летчика, который из братьев Райт – его брат и верит ли он, что летательные аппараты со временем заменят лошадь. В конце концов мы затолкали сопротивляющегося Джима в кабину, гидроплан заскользил по поверхности озера и поднялся в воздух, оставляя за собой след – мелкую рябь и белую пену. Через полчаса самолет вернулся; теперь настала очередь Криса лететь с оставшейся аппаратурой. По словам летчика, условия для посадки и взлета в долине были вполне подходящие, но облака сгущаются, так что лучше пошевеливаться. И Крис полетел к Джиму, а мы с Брайеном ходили по пристани, тревожно поглядывая на облачный покров, который с каждой секундой становился все чернее и гуще. Наконец гидроплан возвратился, мы поспешно заняли места и понеслись по озеру.

Озеро Те-Анау – длинное, и мы довольно долго летели над водой, разглядывая крутые лесистые склоны с обеих сторон. Лес был густой, преимущественно буковый, а у бука темная листва, поэтому поднимающиеся к небу горы производили весьма мрачное впечатление. Сделав вираж, пилот прижался ближе к одному склону, и тот сразу показался нам вдвое мрачнее и круче. Я реагирую на полеты, как все нормальные люди; другими словами, твердо убежден, что либо у летчика будет разрыв сердца в критическую минуту, либо оба крыла самолета отломятся – если не во время взлета, то при посадке или на полпути. Но все это относится к полетам на больших машинах. В маленьком же самолете я чувствую себя относительно безопасно – тут примерно та же разница, что между восьмицилиндровым автомобилем и велосипедом.

Падая с велосипеда, вы не опасаетесь серьезных повреждений, и я почему-то тешу себя мыслью, что авария на маленьком самолете – пустяковое дело, две-три ссадины – вот и все, что вам грозит. Однако наш летчик все ближе и ближе прижимал машину к горному склону, и я начал сомневаться, в самом ли деле авария на маленьком самолете так безболезненна, как мне всегда представлялось? А затем вдруг случилось то, чего я много лет опасался: летчик потерял рассудок. Сделав крутой вираж, он направил машину прямо на стенку. Сперва я подумал, что мы перевалим через нее, но он упорно вел самолет по прямой. Уже можно было ясно различить макушки отдельных деревьев, они приближались к нам с угрожающей скоростью, и я примирился с мыслью о неминуемой гибели в результате маневров обезумевшего летчика, как вдруг в склоне открылась узкая щель (другого слова не подберешь) и мы ворвались в нее. Это было то самое ущелье, которое служит входом в долину Такахе и связывает верхнее озеро с Те-Анау. По обе стороны высились источенные водой утесы с буковым лесом, причем расстояние от стенки до стенки было таким, что самолет только-только помещался. В одном месте деревья почти вплотную подступали к крыльям самолета; казалось, протяни руку – и можно сорвать горсть листьев. К счастью, ущелье было не особенно длинным, через полминуты мы благополучно выскочили из него и увидели перед собой долину.

Долина Такахе тянется километров на пять и представляет собой как бы овал, зажатый между крутыми склонами с густым буковым лесом. Дно удивительно ровное, и большую часть его занимает мелкое, спокойное озеро Орбелл. Озеро, естественно, лежит ближе к выходу, откуда мы появились, а в дальнем конце простираются обширные луга, поросшие полевицей. Пролетая над озером, я не мог налюбоваться изумительным видом. Вдали, на фоне зловещего темного неба вырисовывались главные вершины хребта Мерчисона, каждая увенчана зубчатой снежной короной; спадающие в долину склоны угрюмого темно-зеленого цвета тут и там оживлялись пятнами более светлой зелени с седым налетом; озеро отливало серебром и казалось лакированным; полевица в пробивавшемся сквозь мрачные тучи жидком солнечном свете была золотистой и ярко-зеленой.

Чтобы сесть на озере, нам пришлось сначала пролететь вдоль долины и развернуться в дальнем конце. Самолет пошел на снижение, и серебристая гладь начала стремительно приближаться, когда летчик, решив, что именно сейчас такого рода информация представит для меня особый интерес, лаконично сообщил, что длина озера около тысячи двухсот метров – в обрез для посадки (разумеется, при условии, что вы не промахнетесь). Малейший просчет – и машина с ходу проскользнет напрямик в ущелье, по которому мы поднимались. Я отлично представил себе эту картину, когда мы коснулись воды и понеслись по озеру, увлекая за собой расширяющийся равнобедренный треугольник серебряной ряби. Метрах в тридцати от берега гидроплан остановился, летчик выключил мотор и улыбнулся нам через плечо.

– Приехали, – сказал он. – Долина Такахе.

Он открыл дверцу кабины, и меня поразила абсолютная, полная тишина. Если бы не слабый плеск воды вокруг поплавков, можно было бы подумать, что ты вдруг оглох. Я даже глотнул несколько раз, решив, что мне заложило уши из-за высоты, до того здесь было тихо. Джим снимал наше прибытие, стоя на берегу в полусотне метров от нас, а мы слышали стрекот камеры совсем отчетливо, как если бы он находился рядом. Безмолвие так подействовало на нас, что мы невольно стали говорить вполголоса; когда же мы приступили к разгрузке, малейший шум казался усиленным во сто крат.

Единственным способом доставить багаж на сушу было тащить его на себе, разувшись и подвернув брюки. Выйти из самолета прямо в воду ледникового озера глубиной почти в полметра – это удовольствие, о котором лично я предпочел бы забыть. Мне и в голову не приходило, что вода может быть настолько холодной, не обращаясь при этом в лед. Мы с Брайеном сделали два захода, пока не перенесли все, и за это время ноги у меня так онемели, что я их

абсолютно не чувствовал, словно их отрезали ниже колен. К тому же я уронил один ботинок в озеро, что отнюдь не улучшило моего настроения.

– Послушай-ка, Джерри! – крикнул мне Крис; он стоял позади Джима с видом изможденной ламы. – Ты не мог бы пройти еще разок? По-моему, мы снимали не с той точки.

– Что за вопрос, дружище, конечно могу! – саркастически вымолвил я, свирепо глядя на него и стуча зубами. – Все, что угодно, во имя искусства. Хочешь, разденусь догола и переплыву озеро? Ты только скажи. Сейчас столько новых лекарств выпускали, говорят, от воспаления легких в два счета вылечивают.

– Только на этот раз пройдишь помедленнее, – ухмыльнулся Джим. – Будто тебе это доставляет подлинное наслаждение, понял?

Я показал им кулак, потом мы с Брайеном подняли с земли свою ношу и побрели назад к гидроплану. Наконец Крис остался доволен кадром, и нам было дозволено выйти из воды. Летчик помахал рукой на прощание, захлопнул дверцу кабины, вырулил в конец озера и понесся прямо на нас. Самолет пролетел метрах в двадцати над нами и скрылся в ущелье. Гул мотора звучал все тише, а затем, заглушенный деревьями, и вовсе смолк; нас снова объяла тишина, и долина сразу стала какой-то очень глухой и пустынной.

За озером, как раз напротив того места, где стояли мы со своим багажом, виднелся домик размерами не больше сарая, в котором садовник держит свои инструменты. Домик стоял на опушке леса, где начиналась обрамляющая озеро кайма полевицы.

– Что там такое? – полюбопытствовал Джим.

– Это и есть хижина, – сказал Брайен.

– Как, та самая хижина, в которой нам придется жить? – недоверчиво спросил Джим. – Да там и одному не поместиться, не то что вчетвером.

– Сегодня ночью нас будет семеро, – сказал Брайен. – Не забудьте охотников.

– Да, кстати, где они? – спросил я, потому что хижина выглядела совсем заброшенной и над длинной железной трубой (словно снятой с одной из первых паровых машин) не было видно никакого намека на дым.

– Они где-нибудь в горах, – объяснил Брайен. – Вечером должны вернуться.

Когда мы добрались до хижины и вошли внутрь, нашему взору предстала каморка площадью примерно двенадцать квадратных метров. В ней были две деревянные койки, словно вывезенные из какого-нибудь малоизвестного концентрационного лагеря худшего рода. В одной стене было широкое окно с зеркальным стеклом (неожиданная роскошь), из которого открывался великолепный вид на всю долину, а напротив коек помещался очаг. На первый взгляд казалось, что, когда наш багаж будет внесен внутрь, всем нам, включая охотников, придется спать снаружи. Однако после долгих трудов и споров удалось разместить вещи так, что койки и часть пола остались свободными. Тем не менее было очевидно, что семерым тут, мягко выражаясь, будет крайне тесно. Охотники оставили на столе записку, в которой они приветствовали нас и сообщали, что приготовили растопку и принесли воду, за что мы были им чрезвычайно благодарны. Пока Джим с Крисом возились со своей аппаратурой, мы с Брайеном натянули над очагом веревку, развесили мокрую одежду, развели огонь и поставили чайник.

Небо становилось все чернее, начало смеркаться, над озером заскользили клочья тумана. Мы зажгли лампы и в их мягком желтом свете принялись готовить ужин. Вдруг послышались голоса, – казалось, что говорят за стеной, но когда мы вышли, то в сумерках с трудом различили три фигуры, которые двигались вдоль берега метрах в четырехстах от нас. Мы обменялись приветствиями, потом вернулись в дом, поставили чайник для охотников, и минут через пятнадцать они присоединились к нам.

Говорить о ком-нибудь, что он типичный представитель своей страны, неверно, ибо в каждой стране вы найдете множество разных типов. И все-таки я бы назвал этих троих типичными новозеландцами. Высокие, мускулистые, лица и руки обветренные. В своих плотных

рубашках, вельветовых штанах и тяжелых ботинках, в надвинутых на глаза помятых шляпах, с ружьями за спиной они выглядели чрезвычайно лихо. Правда, они не принесли с собой окровавленных туш, но это меня не удивило; Брайен уже успел нам объяснить, что убитых оленей оставляют на месте отстрела.

Чтобы хоть как-то контролировать численность оленей и опоссумов, Управлению природных ресурсов пришлось бы содержать целую армию штатных охотников, а на это нет средств. Но ведь есть множество охотников-любителей, и среди них управление набирает людей, которым оплачивают издержки и позволяют охотиться в районах, где развелось слишком много вредителей. Так что охота, с которой возвратились наши новые знакомые (по-видимому, не очень-то успешная – они убили всего шестнадцать оленей), преследовала две цели: охотники получили удовольствие и помогли сократить поголовье оленей, грозивших наводнить долину и погубить такахе.

Плотно закусив и напившись чая, мы расселись перед гудящим пламенем (ночь была на редкость холодная), и я откупорил бутылку виски из запаса, который предусмотрительно захватил с собой.

Рано утром, окостеневшие от причудливых поз, в которых нам пришлось лежать на полу всю ночь, мы встали и приготовили завтрак. Долину заволокло туманом, с порога хижины почти ничего не было видно, но Брайен не сомневался, что с восходом солнца прояснится. После завтрака охотники распрощались с нами и побрели сквозь туман вниз по ущелью к Те Анау, где их ожидала лодка. Славные ребята, и все же мы были рады, когда они ушли и освободили толику дефицитной площади.

Прогноз Брайена подтвердился: часам к восьми утра открылось почти все озеро и некоторые из окружающих вершин. День обещал быть хорошим, и мы в приподнятом настроении зашагали по берегу к широкому лугу, где, по словам Брайена, были найдены первые гнезда такахе. Наше хорошее настроение объяснялось еще и тем, что в опаловом утреннем свете озеро казалось меньше вчерашнего и мы надеялись за каких-нибудь полчаса прогулочным шагом дойти до цели. Однако нам предстояло вскоре убедиться, что долина Такахе обманчива. Я уже много лет охочусь за животными в разных концах света, но не припомню случая, чтобы где-нибудь было так неуютно, как здесь. В первый же день мы наглядно убедились, что ожидает тех, кто вздумает охотиться на такахе.

Начну с облаков. Они переваливали через гребень, заглядывали в долину и наконец, решив, что здесь вполне можно отдохнуть, неторопливо скатывались вниз, обволакивая и вас, и весь ландшафт да к тому же промачивая вас до костей. Но это, так сказать, мелкие неприятности. Полевица – мощные, высотой по пояс, желтоватые кусты – жадно собирала влагу и щедро делилась с вами своими накоплениями, когда вы продирались сквозь нее. Ко всем этим удовольствиям добавлялся сфагновый мох. Толстый слой ярко-зеленого мха дорогим ворсистым ковром выстилал почву между кустами полевицы. Он казался гладким, точно лужайка для игры в шары, и столь же приятным для ходьбы. Да, ковер был толстый, местами до четверти метра, нога буквально тонула в нем – тонула так, что вы с невероятным усилием вытаскивали ее. В довершение всего этот зеленый ковер, разумеется, рос на воде, поэтому с каждым шагом вы набирали полный ботинок воды, а когда извлекали ногу из мха, звонкое чавканье отдавалось по всей долине, подобно выстрелу. Уверен, что через пятнадцать минут в пределах сотни километров не осталось ни одной такахе, которая не была бы предупреждена о нашем появлении и продвижении. Метр за метром прошлепали мы вдоль берега, потом ступили на луг. Время от времени мы заходили в буковый лес, потому что в то время года, когда такахе не насиживают яиц, они явно предпочитают держаться у опушки. Темные, серо-зеленые стволы деревьев, как и мелкая темно-зеленая листва, были покрыты влагой. Тут и там с ветвей свисали длинные пряди лишайника, словно причудливые коралловые образования. На первый взгляд лишайник казался белым, издали можно было даже подумать, что некоторые деревья обсы-

паны снегом, а посмотришь вблизи – и видишь, что тонкие филигранные пряди окрашены в нежный, приятный зеленовато-серый цвет.

Весь день мы пробирались сквозь мокрую полевицу и сумрачный буковый лес с его марсианской порослью лишайников. Мы иззябли, мы промокли насквозь, и мы видели все, что угодно, только не такахе. Однажды нам попался свежий помет, и мы окружили его с тем же чувством, с каким Робинзон Крузо рассматривал знаменитый след ноги; мы находили места, где птицы недавно кормились, пропуская сквозь клюв длинные стебли полевицы; находили на земле пустые гнезда, свитые из той же полевицы и ловко укрытые под нависающей травой; а один раз Брайен даже заявил, будто слышит крик такахе, но, так как уже вечерело и в долине была такая тишь, что урони булавку – и все услышат, мы решили, что он просто хочет нас приободрить. А потом тучи начали опускаться все ниже и стало слишком темно для съемок, даже если бы нашлось что снимать. Мы уже дошли до конца долины, и Брайен предложил повернуть назад, ибо, бодро объяснил он, если в долину неожиданно спустится облако, мы можем заблудиться и будем всю ночь бродить по пояс в мокрой полевице, описывая все более широкие круги. Напуганные столь ужасной перспективой, мы, преодолевая отвращение, зашагали обратно по своим чавкающим следам через луг и вдоль озера. И когда наконец, уставшие, озябшие, промокшие, удрученные, достигли хижины, о которой накануне отзывались столь пренебрежительно, она показалась нам верхом роскоши. Сбросить мокрую одежду и, сидя перед горящими поленьями, глотать горячий чай, основательно сдобренный виски, – это ли не верх блаженства, и скоро мы уже говорили себе, что сегодня нам просто не повезло. Скверная погода сделала такахе нелюдимее обычного, а вот завтра, уверяли мы друг друга, в долину набьется столько птиц, что негде будет ногу поставить.

Наш энтузиазм несколько поумерился, когда мокрые носки Джима (старательно развешанные над очагом) с убийственной точностью свалились прямо в кастрюлю, в которой Брайен задумчиво помешивал закипающий суп. Правда, от этой необычной приправы суп не стал хуже, зато у Джима появился еще один повод брюзжать, и он с большим рвением предался этому занятию.

На следующее утро погода была, пожалуй, даже похуже, чем накануне, но это нас не остановило: дрожа от холода, мы натянули на себя сырую одежду и снова зашагали по берегу озера. Опять мы дошли до луга, опять очутились в ледяных объятиях полевицы и сфагнума, и опять нам попадались следы такахе, а самих птиц по-прежнему не было видно. Под вечер погода испортилась, и мы совсем пали духом. Завтра нам уходить из долины, и до чего же обидно – проделать такой путь, так промокнуть, столько зябнуть – и все впустую! И ведь такахе где-то тут: стебли полевицы только что объедены, помет свежий. Эти негодные птицы явно играли с нами в прятки, но нам было вовсе не до игры – не то место и не то настроение.

И вдруг – только что перед тем я оступился и шлепнулся на мокрый, особенно вязкий в этом месте мох – Брайен поднял руку, призывая нас к тишине. Мы замерли, боясьдохнуть, а меж тем ноги медленно, но верно погружались в мох.

– В чем дело? – выдохнул я наконец.

– Такахе, – ответил Брайен.

– Вы уверены? – Лично я слышал только плеск и чавканье, когда упал.

– Да, – сказал Брайен. – Прислушайтесь, и вы сами услышите.

Мы в это время находились под откосом, метрах в двадцати от линии, за которой буковый лес начинал восхождение на крутой склон; здесь кустики полевицы казались выше и гуще, чем на других осмотренных нами участках. Стоим и слушаем – мокрые, продрогшие, притихшие... Неожиданно справа, из-за деревьев, донесся звук, услышанный Брайеном. Это был глухой рокот, вроде барабанной дроби, очень похожий на звук, который издавали уэки на Капити, но несравненно громче и какого-то особого, глубокого контральтового тембра. Первая дробь состояла из семи-восьми частых ударов, затем, после короткой паузы, уже с другого места,

чуть подальше, прозвучала новая дробь. Мы заметили какое-то движение в траве прямо перед нами, потом еще, но ближе к лесу. Не думая о том, что Крису и Джиму, нагруженным камерой и треногой, трудно поспевать за нами, мы с Брайеном стали подкрадываться к подозрительным точкам. Я говорю «стали подкрадываться», на самом же деле моему сверхчувствительному слуху казалось, будто мы шлепаем по мху, словно полк гиппопотамов, забредших в котел с густой кашей. Ближе, ближе... Вдруг трава опять зашевелилась – и мы застыли на месте. Через секунду мы снова двинулись вперед, еще осторожнее, чем прежде, потому что подозрительное движение происходило всего в нескольких метрах от нас. Опять колыхнулась трава... Я шагнул в сторону, и тут из-за густой полевицы показалась такахе.

То, что я увидел, ошеломило меня: ведь до сих пор я знал такахе только по черно-белым фотографиям и считал, что они величиной с куропатку, с невзрачным крапчатым оперением, как у уэка, а тут передо мной стояла птица ростом с крупную индейку, только покруглее, и на фоне темной буковой листвы и бледно-желтой полевицы ее оперение сверкало, словно ювелирное изделие. Мощный клюв, напоминающий клюв клеста, был алого цвета, ноги – тоже; голова и грудь яркой синевой могли поспорить со Средиземным морем; спина и крылья были дымчато-зеленые. Стоя на широко расставленных ногах, такахе настороженно повернула голову в мою сторону и издала короткую дробь. Я глядел на птицу с восхищением, она на меня – с величайшим недоверием. Внимательно рассмотрев меня, такахе опустила голову и с необыкновенной важностью прошествовала дальше. Мгновение – и она скрылась за кустиком полевицы. Мне бы не двигаться, и она, наверно, вышла бы снова, но я так боялся потерять из виду эту великолепную птицу, что сделал несколько шагов в сторону. И испортил этим все дело. Такахе испуганно оглянулась, издала низкий звук – сигнал тревоги – и довольно неуклюже, но достаточно быстро побежала в лес искать укрытие. Беглянка исчезла за деревьями, и потом, сколько мы ни подкрадывались, не увидели ни одной птицы, а слышали таинственное потрескивание да взволнованную дробь.

А тут еще облака опустились так низко, что Брайен посоветовал немедленно возвращаться в хижину. Иззябшие, промокшие и все-таки счастливые – ведь мы добились пусть маленького, но успеха, – мы зашлепали через луг и по берегу обратно. До конца озера оставалось совсем немного, каких-нибудь пятьсот метров отделяли нас от теплой хижины (было видно, как вьется приветный дымок над высокой трубой), и в это время Брайен оглянулся назад.

– Посмотрите, – сказал он, – и вы увидите то, от чего я спешил вас увести.

Над лесистым гребнем в противоположном конце долины, совсем низко, показалось огромное серое облако. На наших глазах оно изогнулось и с невероятной скоростью покатилося вниз в долину. Через несколько секунд участок, где мы видели такахе, исчез, еще мгновение – и мягкая серая лапа накрыла луг за озером, затем облако распласталось по водной глади и понеслось к нам, заволакивая на ходу всю долину. Мы уже подошли к хижине, когда нас настигли невесомые щупальца. С чувством облегчения мы отворили дверь, на пороге обернулись и увидели глухую колышущуюся стену, а долина Такахе исчезла, словно ее никогда и не было. В итоге все мы пришли к убеждению, что нам удивительно повезло – ведь туман мог захватить нас по ту сторону озера. И пока туча дышала холодом на окно, мы подложили в очаг сухих дров, сбросили мокрую одежду и позволили себе поваляться в розовом свете огня, потягивая чай пополам с виски и почему-то испытывая глубокое удовлетворение от мысли, что нам удалось увидеть такахе и обмануть стихию.

– Ну так, – наконец заговорил Брайен, – завтра спускаемся на Те-Анау, а оттуда можно отправляться на гору Брюса. Там вы снимете отличные кадры, ведь наши такахе, после того как переросли наседку, стали на диво ручными, ну прямо домашняя птица.

– Одного не могу понять, – сказал Джим, – почему мы сразу не отправились на гору Брюса, вместо того чтобы бродить здесь, рискуя схватить воспаление легких.

– А подлинность? – строго произнес Крис. – Нам ведь нужно показать места обитания птиц... передать обстановку.

– Что до меня, я-то эту обстановку узнал, – сказал Джим, глубокомысленно выжимая из своего носка полчашки воды.

За ночь облако исчезло, и на следующее утро вся долина сверкала в солнечных лучах, словно хрустальная. Мы собрали свое имущество и вышли в путь пораньше, потому что спуск до Те-Анау, где нас должна была встретить лодка, занимает немало времени. Пробираясь через

влажный буковый лес, спотыкаясь и скользя по толстому сырому ковру опавших листьев, я не переставал восхищаться выдержкой и сноровкой людей, которые карабкались по почти отвесному склону, неся на спине курицу, призванную спасти такахе. Шлепаясь на землю в третий раз и катаясь вниз на «пятой точке», я повторял про себя пожелание, чтобы на свете было побольше самоотверженных людей, не жалеющих ни времени, ни сил для спасения вида, которому угрожает гибель.

Теперь, когда мы своими глазами увидели такахе в ее долине, я еще сильнее рвался на гору Брюса, где живут птицы, ради которых была проделана такая работа. Заповедник (разумеется, государственный) представляет собой обширный зеленый участок, тщательно огороженный и засеянный полевицей. Такахе, уже совсем взрослые, содержатся на воле. Когда мы вошли за ограду, на участке никого не было видно, но стоило птицам услышать наши голоса, как они тотчас выскочили из кустов и помчались к нам, низко опустив голову и топя большими ногами. Им так не терпелось отведать бананов, которые мы для них принесли, что они буквально набросились на нас, толкались, лезли на колени. Вблизи такахе выглядели еще величественнее, чем я думал; зеленоватое золото и пурпур их шелковистого оперения ярко блестели в солнечных лучах. Душа ликовала от сознания, что живые такахе суетятся у наших ног и едят из рук, совсем как домашняя птица. Мог ли я подумать, что меня ожидает еще большая радость.

В одном конце участка стоял большой птичник в виде полумесяца. Мы были настолько увлечены такахе, что я не обратил особенного внимания на эту постройку, только заглянул внутрь мимоходом.

Там лежали прутья и пучки травы, больше я ничего не заметил и решил, что птичник пустует. А может, его построили для такахе, когда те были поменьше? С трудом отделившись от бесцеремонных птиц, которые были убеждены, что у меня где-то еще спрятаны бананы, я спросил об этом Брайена.

– Нет, это какапориум, – с гордостью в голосе ответил Брайен.

– Что такое какапориум? – осторожно осведомился я.

– Это такое место, – объяснил Брайен, внимательно глядя на мое лицо, – где держат какапо.

Слова Брайена подействовали на меня так, как если бы он объявил, что у него есть полная конюшня разноцветных единорогов. Ведь какапо не только одна из самых редких, но и одна из самых своеобразных птиц Новой Зеландии, и хотя я мечтал увидеть какапо, мне это казалось несбыточным.

– Не хотите ли вы сказать, – продолжал я, – что у вас в птичнике есть какапо и вы до сих пор об этом молчали?

– Вот именно, – ухмыльнулся Брайен. – Сюрприз.

– Ведите меня к нему, – потребовал я, дрожа от нетерпения. – Ведите меня к нему немедленно.

Довольный моей бурной реакцией, Брайен отворил калитку птичника, и мы вошли. В углу стоял деревянный ящик, накрытый большой охапкой сухого вереска. Мы подошли, осторожно раздвинули вереск, и я увидел глядящие на меня с расстояния около полуметра глаза доподлинного, живого какапо.

Какапо еще называют совиным попугаем – очень меткое название, потому что он так похож на сову, что даже опытному орнитологу простительно ошибиться с первого взгляда. Он крупный, крупнее сипухи; оперение очень красивое, дымчатого серовато-зеленого цвета с черными крапинами. «Лицо» широкое и плоское, как у совы, с огромными темными глазами.

Обитатель ящика смотрел на меня свирепо, точно престарелый полковник, которого разбудил в клубе пьяный младший офицер. Помимо своеобразной внешности, у какапо есть еще две особенности. Во-первых, он редко летает, да и то очень неуклюже, чаще же всего совсем не по-попугаичьи бегаёт по земле; во-вторых, он ведет ночной образ жизни. На воле какапо

во время своих ночных экскурсий протаптывают в траве маленькие тропинки, и сверху местность, где они обитают, кажется сплошь исчерченной пересекающимися проселками.

Пока мы снимали сердитую птицу, Брайен рассказал, что совиные попугаи находятся под серьезной угрозой, настолько серьезной, что мы, возможно, видим перед собой последнего живого какапо. Печальная мысль, которая должна встревожить всякого, особенно если вспомнить, что гибель грозит многим птицам, млекопитающим и рептилиям. Вероятно, единственная надежда на спасение для такахе и какапо заключена в таких заповедниках, и чем больше их будет на свете, тем лучше.

Завершив съемку такахе, мы собирались посвятить последние три дня Веллингтону и его окрестностям и запечатлеть на пленку все, что покажется нам интересным. Но судьбе в облике шуплого человечка, встреченного нами в баре, было угодно расстроить эти планы.

Надо сказать, что с первого же дня нашего пребывания в Новой Зеландии Крису не давали покоя и портили настроение две вещи. Во-первых, ему никак не удавалось прилично записать звук: только приготовит аппаратуру, как либо машина проедет, либо самолет пролетит, либо подует сильный ветер, а то и сам «артист» скроется – да разве перечислишь все, что мешает звукозаписи. Во-вторых, нас повсюду спрашивали, что мы уже засняли, а услышав ответ, удивленно восклицали:

– Как, неужели вы не сняли кеа?.. Что это за фильм о Новой Зеландии без кеа... без этого клоуна снеговых гор... ведь их так легко снять... они совсем ручные, вы их увидите повсюду...

Возможно, кому-нибудь еще эти крупные, ярко окрашенные попугаи и в самом деле встречались повсюду, но мы пока ни одного не видели, и это чрезвычайно раздражало Крису. И когда на вопрос уже упомянутого злополучного субъекта, что мы успели заснять, я начал перечисление, Крис опять стал похож на ламу.

– Как? – удивился человечек. – Вы не сняли кеа?

– Нет! – отрезал Крис, вложив в одно это коротенькое слово столько холода, что его хватило бы, чтобы сотворить небольшой айсберг.

– А вы бы поднялись на гору Кука, – продолжал наш собеседник, не подозревая, что ступает по краю пропасти. – Я только что оттуда, их там видимо-невидимо. Ничего нельзя оставить, сразу налетят и разорвут в клочья. Сущие комики... честное слово, стоит попробовать их заснять.

Я поспешил наполнить стакан Криса.

– Да-да, разумеется, мы попробуем, – сказал я.

– Совершенно верно, – громко произнес Крис с внезапной решимостью. – И мы отправимся на гору Кука завтра же.

Он одним духом осушил стакан и сердито посмотрел на наши ошеломленные лица.

– Но это невозможно, – возразил Брайен. – У нас нет на это времени.

– Я не уеду из Новой Зеландии, пока не сниму кеа, – отчеканил Крис.

Что нам оставалось делать после такого ультиматума? Мы отправились на гору Кука, где поселились в превосходном государственном отеле с великолепным видом на гору и на ледник Тасмана и безотлагательно приступили к лихорадочным поискам кеа. Все уверяли нас, что нет ничего проще, горы и долины кишат этими птицами, нельзя даже машину поставить, ибо сейчас же на нее опустятся несколько десятков кеа и примутся разбирать на части, словно какие-нибудь одержимые механики. Стоит только отъехать немного в горы – в любую сторону! – и позвать: «Кеа... кеа... кеа...», подражая их крику, как в тот же миг к вам отовсюду слетятся кеа.

Так мы и сделали. В первый же день отправились к горе Кука и стали кататься вокруг нее, останавливаясь перед каждой трещиной и расщелиной, чтобы позвать, как нас учили: «Кеа... кеа... кеа...» Но голые склоны оставались безжизненными. В тот вечер Крис, несмотря на чудесное вино и нежнейшую жареную форель, сидел с видом сердитого верблюда, который забыл дорогу к ближайшему колодцу.

На следующее утро ни свет ни заря, храня унылое молчание, мы поехали к леднику Тасмана у подножия горы Кука, чтобы возобновить поиски кеа. Дорога в этот неуютный уголок с каким-то лунным ландшафтом напоминает сухое русло, берущее начало на краю обрыва, с которого внизу видно могучий ледник, а сверху – снежную вершину горы. Ледник здесь широкий и представляет собой мощный бугристый пласт, начиненный, словно пирог, камнями, буреломом и, вне всякого сомнения, бесчисленными останками замерзших кеа. Стоя над ледником, мы явственно слышали, как он, покрхтывая, постанывая и потрескивая, миллиметр за миллиметром ползет вниз по долине на свидание с морем.

Заглушая бормотание ледника, над голым пустынным ландшафтом разнеслись наши крики «Кеа!», и со всех сторон отозвалось обманчивое эхо. И как же мы удивились, когда внезапно неведь откуда показался кеа и уселся на каменный шпиль за пределами досягаемости нашей кинокамеры. С округлившимися от возбуждения глазами Крис полез вверх по склону, хрипло вопя: «Кеа!» Птица взглянула на взъерошенное существо с безумным взором, вынырнувшее откуда-то из недр ледника, издала крик, полный недоумения и ужаса, и поспешно улетела. Когда мы пришли в себя после приступа неприличного хохота, то с удивлением обнаружили, что Крис отнюдь не обескуражен, – напротив, первая встреча с кеа воодушевила его. Он считал, что успех почти обеспечен, теперь надо только снять вводные кадры. Под «вводными» Крис подразумевал кадры, показывающие, как «лендровер» подъезжает к леднику, как мы выходим из машины и зовем кеа, и виды местности. Потом снимем крупным планом птицу и все смонтируем.

Съемки фильма – дело хитрое, подчас приходится сперва снимать отъезд, а уж потом прибытие. Мы выгрузили снаряжение и установили камеры, и, так как нам нужен был звук, Крис торжественно достал из футляра рекордер и водрузил его на грудку камня.

После долгой беготни с проводами и микрофонами он объявил наконец, что все готово. Наша задача была несложной: подъехать на «лендровере» к указанной точке, выйти и звать кеа. Камера запечатлеет наши движения, а рекордер увековечит отраженные склонами голоса. Я уже говорил, что другого такого глухого и уединенного места надо было поискать, не видно не только людей и построек, но даже животных, поэтому мы были просто поражены, когда, выйдя из машины и дружно прокричав «кеа!», внезапно услышали такой невообразимый шум, словно по соседству свихнулся какой-нибудь из заводов Форда. Это был визг, вой и скрежет механизмов, подвергнутых неслыханным пыткам. Что вызвало эти звуки, откуда они идут? Мы видели только Крису, который присел около своего аппарата с наушниками на голове и выражением невообразимой муки на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.